ТРУДЫ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
ВЫПУСКЪ VII.

ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.

ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ КЪ МЕТАФИЗИКѢ НРАВОВЪ.

Переводъ Л. Д. Б.

подъ редакціей дѣйствительнаго члена Психологическаго Общества

В. М. Хвостова.

OSNOVOPOLOZHEN
K METAFIKE
NRAVOV

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собствен. домъ.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ русскому переводу..... V

Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ.

Предисловіе..... 1

Первый отдѣлъ. Переходъ отъ обычнаго нравственнаго познанія разума къ философскому..... 9

Второй отдѣлъ. Переходъ отъ популярной нравственной философіи къ метафизикѣ нравовъ..... 26

Третій отдѣлъ. Переходъ отъ метафизики нравовъ къ критикѣ чистаго практическаго разума..... 77

Заключительное замѣчаніе..... 98

Предисловіе къ русскому переводу.

Кантовская „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ принадлежитъ къ числу тѣхъ классическихъ произведеній человѣческаго генія, которыя имѣютъ вѣчную цѣнность. Между тѣмъ этой книги на русскомъ языкѣ въ продажѣ не имѣется. Это служитъ достаточнымъ оправданіемъ того, что былъ задуманъ и выполненъ настоящій переводъ. Конечно, критика не замедлитъ обнаружить въ немъ и погрѣшности, и шероховатости; при чрезвычайной трудности задачи въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Но во всякомъ случаѣ лица, выполнявшія переводъ, счастливы сознаніемъ, что они совершили свою работу со всей тщательностью, которой требовало уваженіе къ великому имени Канта; несовершенства же ихъ работы, которыя будутъ открыты критикой, зависятъ не отъ недостатка доброй воли, но исключительно отъ неизбѣжнаго для человѣка несоотвѣтствія силъ всей широтѣ поставленныхъ задачъ.

По поводу характера предлагаемой вниманію публики работы, слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что переводчица и редакторъ перевода ставили себѣ задачей дать не толкованіе книги Канта, но именно переводъ, и притомъ возможно болѣе близкій къ подлиннику. Тяжелые періоды Канта съ большимъ трудомъ поддаются переводу на русскій языкъ; не легко было справляться и съ терминологіей. Мы заботились о томъ, чтобы, по возможности, передать особенности изложенія подлинника и только въ крайнихъ случаяхъ позволяли себѣ разбивать слишкомъ уже длинные періоды. Одни и тѣ же нѣмецкія выраженія

и слова старались передать, по возможности, вездѣ одинаково; но это не всегда удавалось въ виду неполнаго соотвѣтствія русскихъ словъ нѣмецкимъ. Когда это казалось необходимымъ, нѣмецкія слова приводились въ скобкахъ рядомъ съ русскимъ переводомъ; но слишкомъ часто прибѣгать къ этому пріему было, конечно, невозможно.

Переводъ на столько тщательно просмотрѣнъ его редакторомъ, что онъ беретъ на себя полную за него отвѣтственность передъ публикой. Въ заключеніе этого краткаго напутствія, редакторъ считаетъ своимъ долгомъ принести благодарность Л. М. Лопатину, А. В. Кубицкому и Н. Д. Виноградову, которые не отказывали ему въ своихъ цѣнныхъ совѣтахъ при разрѣшеніи нѣкоторыхъ недоумѣній, возникавшихъ во время работы надъ переводомъ.

В. М. Хвостовъ.

Москва, 17 октября 1911 года.

ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ

КЪ МЕТАФИЗИКѢ НРАВОВЪ.

Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Древняя греческая философія раздѣлялась на три науки: **физику, этику и логику.** Это раздѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ природѣ вещей, и нѣтъ нужды въ немъ что-либо исправлять; не мѣшаетъ только добавить принципъ этого дѣленія, чтобы, такимъ образомъ, отчасти увѣриться въ его полнотѣ, отчасти получить возможность правильно опредѣлить необходимыя подраздѣленія.

Все познаніе изъ разума или матеріально и разсматриваетъ какой-нибудь объектъ; или формально и занимается только самой формой разсудка и разума и общими правилами мышленія вообще, безъ различія объектовъ. Формальная философія называется **логикой,** а матеріальная, которая имѣетъ дѣло съ опредѣленными предметами и законами, которымъ они подчинены, въ свою очередь раздѣляется на двѣ области. Дѣло въ томъ, что эти законы суть или законы **природы** или же законы **свободы.** Наука о первыхъ носитъ названіе **физики,** наука о вторыхъ есть **этика;** первая называется также ученіемъ о природѣ, а послѣдняя—ученіемъ о нравственности.

Логика не можетъ имѣть никакой эмпирической части, т.-е. такой, въ которой всеобщіе и необходимые законы мышленія покоились бы на основаніяхъ, взятыхъ изъ опыта; въ противномъ случаѣ она не была бы логикой, т.-е. канономъ для разсудка или разума, который имѣетъ зна-

ченіе и долженъ быть показанъ при всякомъ мышленіи. Напротивъ того, какъ естественное, такъ и нравственное ученіе о мірѣ (Weltweisheit), каждое могутъ имѣть свою эмпирическую часть, такъ какъ первое должно установить свои законы природѣ, какъ предмету опыта, второе же—волѣ человѣка, поскольку она аффицируется природой; при этомъ первые законы ученіе о мірѣ должно установить какъ законы, по которымъ все происходитъ, вторые же—какъ законы, по которымъ все должно происходить, принявъ однако во вниманіе условія, при которыхъ должное часто не происходитъ.

Всякую философію, поскольку она опирается на опытныя основанія, можно назвать эмпирической, а ту, которая излагаетъ свое ученіе исключительно изъ принциповъ a priori, слѣдуетъ назвать чистой философіей. Послѣдняя, если она только формальна, называется логикой; если же она ограничила свое изслѣдованіе опредѣленными предметами разсудка, то она называется метафизикой.

Такимъ образомъ, возникаетъ идея двоякой метафизики, метафизики природы и метафизики нравовъ. Физика, слѣдовательно, будетъ имѣть свою эмпирическую, но также и раціональную часть; этика точно такъ же, хотя здѣсь эмпирическая часть въ отдѣльности могла бы называться практической антропологіей, а раціональная—собственно моралью.

Всѣ промыслы, ремесла и искусства выиграли черезъ раздѣленіе труда, при которомъ человѣкъ не одинъ дѣлаетъ все, но каждый ограничиваетъ себя опредѣленнымъ трудомъ, который по способу своего выполненія замѣтно отличается отъ другихъ видовъ труда, и дѣлаетъ это для того, чтобы имѣть возможность выполнить свою работу наиболѣе совершенно и съ наибольшей легкостью. Гдѣ работы не различены и не раздѣлены такимъ образомъ, гдѣ каждый является мастеромъ на всѣ руки, тамъ ремесла находятся еще въ положеніи величайшаго варварства. Конечно, уже не недостойнымъ предметомъ для размышленія является самъ по себѣ слѣдующій вопросъ: не требуетъ ли чистая философія во всѣхъ своихъ частяхъ своего особаго человѣка и не лучше ли было бы для уче-

ной профессіи въ цѣломъ, если бы тѣ, кто такъ привыкъ сбывать эмпирическое и раціональное, перемѣшанное между собой, согласно вкусу публики, во всевозможныхъ даже имъ самимъ неизвѣстныхъ отношеніяхъ, не лучше ли было бы, спрашиваю я, еслибы эти люди, которые сами себя величаютъ самостоятельными мыслителями, а другихъ, изготовляющихъ только раціональную часть, называютъ мечтателями, были предохранены отъ того, чтобы заниматься сразу двумя дѣлами, разными по способу своего выполненія. Для каждаго изъ этихъ дѣлъ требуется, можетъ быть, особенный талантъ и соединеніе ихъ въ рукахъ одного лица создаетъ только ничтожныхъ кропателей. Несмотря на важность этого вопроса, тѣмъ не менѣе здѣсь я спрошу только, не требуетъ ли природа науки того, чтобы эмпирическая часть постоянно заботливо отдѣлялась отъ раціональной, чтобы собственной (эмпирической) физикѣ предпосылалась метафизика природы, практической же антропологіи—метафизика нравовъ, заботливо очищенная отъ всего эмпирическаго. Это помогло бы опредѣлить, сколь много въ обоихъ случаяхъ можетъ сдѣлать чистый разумъ и изъ какихъ источниковъ черпаетъ онъ самъ свое ученіе a priori; относительно послѣдняго дѣла, впрочемъ, безразлично, занялись ли бы имъ всѣ учители нравственности (имя которымъ легіонъ) или только нѣкоторые, чувствующіе къ тому призваніе.

Такъ какъ здѣсь я имѣю предметомъ собственно нравственное ученіе о мірѣ, то я ограничу предложенный вопросъ, замѣнивъ его слѣдующимъ: не слѣдуетъ ли думать, что попытка разработать, наконецъ, чистую моральную философію, которая была бы вполнѣ освобождена отъ всего, что только могло бы быть эмпирическимъ и что принадлежитъ антропологіи, есть дѣло крайней необходимости; а что такая чистая моральная философія должна существовать, явствуетъ само собой изъ общей идеи долга и нравственныхъ законовъ. Каждому необходимо согласиться съ тѣмъ, что законъ, если онъ долженъ имѣть значеніе моральнаго, т.-е. разсматриваться какъ основа обязанности, непремѣнно ведетъ за собой абсолютную необходимость; что заповѣдь: ты не долженъ лгать, имѣетъ

значеніе не только для людей, какъ-будто бы другія разумныя существа не должны къ ней обращаться; что такъ дѣло обстоитъ со всѣми другими нравственными законами въ собственномъ смыслѣ; что, слѣдовательно, основу обязанности должно искать не въ природѣ человѣка или въ тѣхъ обстоятельствахъ въ мірѣ, въ какія онъ поставленъ, но a priori исключительно въ понятіяхъ чистаго разума, что каждое другое предписаніе, которое основывается на принципахъ простого опыта и даже въ извѣстномъ отношеніи всеобщее предписаніе, поскольку оно въ малѣйшей части, хотя бы только въ побудительной причинѣ, опирается на эмпирическія основанія, можетъ быть названо, правда, практическимъ правиломъ, но никогда не будетъ моральнымъ закономъ.

Такимъ образомъ, изъ всего практическаго познанія моральные законы, вмѣстѣ съ ихъ принципами, не только существенно отличаются отъ всего прочаго, въ чемъ присутствуетъ что-нибудь эмпирическое, но вся моральная философія всецѣло покоится на своей чистой части. Будучи примѣняема къ человѣку, она ничего не заимствуетъ изъ знанія о немъ (антропологіи), но даетъ ему, какъ разумному существу, законы a priori, которые, конечно, еще требуютъ обостренной опытомъ способности сужденія для того, чтобы частью различить, въ какихъ случаяхъ они находятъ свое примѣненіе, частью обезпечить имъ доступъ въ волю человѣка и твердость въ ихъ исполненіи; вѣдь человѣкъ, какъ таковой, аффицируется такимъ множествомъ склонностей, что хотя онъ и способенъ къ идеѣ практическаго чистаго разума, однако ему не такъ-то легко сдѣлать ее in concreto дѣйствительной въ своемъ жизненномъ поведеніи.

Метафизика нравовъ, такимъ образомъ, неизбѣжно необходима не только потому, что существуютъ теоретическія побужденія изслѣдовать источникъ практическихъ принциповъ, заложенныхъ a priori въ нашемъ разумѣ, но потому, что сами нравы остаются подверженными всяческой порчѣ до тѣхъ поръ, пока отсутствуетъ эта руководящая нить и высшая норма ихъ правильнаго обсужденія. Вѣдь для того, что́ должно быть морально хорошимъ, не

достаточно, чтобы оно было согласно съ нравственнымъ закономъ; оно должно совершаться также и ради него; въ противномъ случаѣ это согласіе будетъ только очень случайнымъ и сомнительнымъ, такъ какъ безнравственное основаніе, хотя и можетъ произвести порой согласныя съ закономъ дѣйствія, но чаще будетъ приводить и къ дѣйствіямъ противнымъ закону. Но нравственный законъ въ его чистотѣ и подлинности (что какъ разъ въ практической области болѣе всего важно) не можетъ быть отысканъ никакой иной дисциплиной, какъ только чистой философіей. Слѣдовательно, эта философія (метафизика) должна быть на первомъ мѣстѣ и безъ нея не можетъ существовать вообще никакой моральной философіи. Та философія, которая перемѣшиваетъ чистые принципы съ эмпирическими, не заслуживаетъ даже имени философіи, такъ какъ послѣдняя именно тѣмъ и отличается отъ общаго познанія разума, что излагаетъ въ обособленной наукѣ то, что общее познаніе разума охватываетъ только въ нераздѣльной связи. Еще въ меньшей степени заслуживаетъ она названія моральной философіи, такъ какъ именно черезъ это смѣшеніе она вредитъ даже чистотѣ самихъ нравовъ и идетъ противъ своей собственной цѣли.

Пусть однако не подумаютъ, что то, что здѣсь требуется, мы имѣемъ уже въ пропедевтикѣ знаменитаго Вольфа передъ его моральной философіей, а именно во всеобщемъ практическомъ ученіи о мірѣ (allgemeine praktische Weltweisheit), какъ онъ ее называетъ, и что здѣсь, слѣдовательно, вовсе не открывается совершенно новая область. Именно потому, что она должна была быть всеобщимъ практическимъ ученіемъ о мірѣ, она не привлекла къ разсмотрѣнію воли какого-нибудь особеннаго рода, напримѣръ, такой, которая опредѣлялась бы безъ всякихъ эмпирическихъ побудительныхъ причинъ, всецѣло изъ принциповъ a priori и которую можно было бы назвать чистой волей; напротивъ, она разсматривала воленіе вообще, со всѣми дѣйствіями и условіями, которыя принадлежатъ ему въ этомъ общемъ значеніи; этимъ она отличается отъ метафизики нравовъ точно такъ же, какъ общая логика отличается отъ трансцендентальной фило-

софіи: первая излагаетъ дѣйствія и правила мышленія в о о б щ е, а послѣдняя только особенныя дѣйствія и правила чистаго мышленія, т.-е. такого, посредствомъ котораго предметы познаются вполнѣ a priori. Вѣдь метафизика нравовъ должна изслѣдовать идею и принципы возможной ч и с т о й воли, а не дѣйствія и условія человѣческаго воленія вообще, которыя большей частью черпаются изъ психологіи. Что въ общемъ практическомъ ученіи о мірѣ (хотя и противъ всякаго права) также идетъ рѣчь о моральныхъ законахъ и долгѣ, это не составляетъ никакого возраженія противъ моего утвержденія. Вѣдь творцы этой науки остаются вѣрными своей идеѣ о ней также и въ этомъ; они не отличаютъ побудительныхъ мотивовъ, которые, какъ таковые, представляются вполнѣ a priori только черезъ разумъ, и которые суть моральные въ собственномъ смыслѣ, отъ эмпирическихъ, которые разсудокъ возводитъ на степень общихъ понятій просто черезъ сравненіе содержаній опыта; они разсматриваютъ ихъ, не обращая вниманія на различіе ихъ источниковъ, только по ихъ большей или меньшей суммѣ (причемъ всѣ они разсматриваются какъ однородные) и составляютъ себѣ этимъ путемъ свое понятіе объ о б я з а н н о с т и. Послѣднее, конечно, совсѣмъ не морально, но все же такъ построено, какъ только можно желать въ философіи, которая совершенно не разсуждаетъ о п р о и с х о ж д е н і и всѣхъ возможныхъ практическихъ понятій, имѣютъ ли они мѣсто a priori или же a posteriori.

Намѣреваясь когда нибудь предложить публикѣ метафизику нравовъ, я предпосылаю послѣдней это основоположеніе. Правда, собственно не существуетъ никакого другого основанія ея, какъ только к р и т и к а ч и с т а г о п р а к т и ч е с к а г о р а з у м а, такъ же какъ нѣтъ его для метафизики, кромѣ уже предложенной публикѣ критики чистаго спекулятивнаго разума. Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, первая критика не въ такой крайней степени необходима, какъ послѣдняя, потому что человѣческій разумъ въ моральной области, даже при самомъ обычномъ уровнѣ разсудка, легко можетъ быть приведенъ къ весьма правильному и обстоятельному пониманію, тогда какъ,

напротивъ, въ теоретическомъ, но чистомъ примѣненіи онъ вполнѣ и всецѣло діалектиченъ; съ другой стороны, я требую отъ критики чистаго практическаго разума, если она должна быть законченной, чтобы было представлено въ одномъ общемъ принципѣ ея единство съ спекулятивной, такъ какъ, въ концѣ концовъ, мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же разумомъ, который различается только въ своемъ примѣненіи. Но до такой полноты я еще не могъ здѣсь довести свое изслѣдованіе, не примѣшивая размышленій совсѣмъ другого рода и не запутывая этимъ читателя. Вотъ почему я не воспользовался наименованіемъ критики чистаго практическаго разума, но озаглавилъ свою книгу „основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ“.

Но такъ какъ, въ третьихъ, также и метафизика нравовъ, не смотря на устрашающее названіе, все же въ большой степени способна къ популярному и приспособленному къ обычному разсудку изложенію, то я нахожу полезнымъ отдѣлить отъ нея эту предварительную разработку основныхъ вопросовъ, чтобы въ будущемъ имѣть право не прибавлять къ болѣе понятнымъ ученіямъ тѣхъ тонкостей, которыя при такой разработкѣ неизбѣжны.

Но настоящее основоположеніе есть не болѣе, какъ отысканіе и утвержденіе высшаго принципа моральности, что, однако, составляетъ цѣльное (по своей задачѣ) дѣло, обособленное отъ всякаго другого нравственнаго изслѣдованія. Конечно, мои утвержденія относительно этого важнаго и до сихъ поръ далеко еще удовлетворительно не изслѣдованнаго основного вопроса, достигли бы большой ясности черезъ примѣненіе одного и того же принципа ко всей системѣ и черезъ достаточность, какую этотъ принципъ повсюду обнаруживаетъ, получили бы большое подтвержденіе. Однако я вынужденъ былъ отказаться отъ этого преимущества, которое въ основѣ, собственно, послужило бы болѣе самолюбію, чѣмъ общей пользѣ, такъ какъ легкость въ употребленіи и кажущаяся достаточность какого нибудь принципа не даютъ никакого вполнѣ достовѣрнаго доказательства его правильности; скорѣе, и то и другое возбуждаетъ нѣко-

торую тенденцію изслѣдовать и взвѣшивать принципъ не во всей строгости, т. е. не самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ слѣдствію.

Я избралъ мою методу въ этомъ сочиненіи, руководясь соображеніями о томъ, что будетъ наиболѣе удобнымъ, если кто хочетъ предпринять путь сперва въ аналитическомъ направленіи, т. е. отъ обычнаго познанія къ опредѣленію его высшаго принципа, а затѣмъ обратный—въ синтетическомъ направленіи, т. е. отъ испытанія этого принципа и его источниковъ къ обычному познанію, въ которомъ мы встрѣчаемся съ его употребленіемъ. Книга поэтому раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) Первый отдѣлъ: переходъ отъ обычнаго нравственнаго познанія разума къ философскому.

2) Второй отдѣлъ: переходъ отъ популярной моральной философіи къ метафизикѣ нравовъ.

3) Третій отдѣлъ: послѣдній шагъ отъ метафизики нравовъ къ критикѣ чистаго практическаго разума.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Переходъ отъ обычнаго нравственнаго познанія разума къ философскому.

Нигдѣ въ мірѣ, да вообще и внѣ его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрымъ безъ ограниченія, кромѣ одной только **доброй воли** (guter Wille). Разсудокъ, остроуміе и сила сужденія и какъ бы иначе не назывались дарованія духа, или мужество, рѣшительность, настойчивость въ намѣреніи, какъ свойства темперамента, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, безъ сомнѣнія, хороши и желательны; но они могутъ сдѣлаться также въ высшей степени дурными и вредными, если не добра воля, которая должна пользоваться этими дарами природы и отличительныя свойства которой поэтому называются характеромъ. Точно такъ же дѣло обстоитъ и съ дарами счастья. Власть, богатство, почетъ, даже здоровье и общее благосостояніе и довольство своимъ положеніемъ, объединяемое однимъ именемъ счастья, приносятъ съ собой смѣлость, а вслѣдъ за этимъ часто даже заносчивость, когда нѣтъ доброй воли, которая исправляла бы и дѣлала всеобще—цѣлесообразнымъ вліяніе этихъ даровъ счастья на духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ также и самый принципъ дѣйствованія. Кромѣ того, нечего и говорить, что разумному и безпристрастному наблюдателю никогда не можетъ доставить удовольствіе видъ непрерывнаго благополучія существа, которое не украшено ни одной чертой чистой и доброй воли; такимъ образомъ, добрая воля является, повидимому, необходимымъ услові-

емъ даже того, чтобы человѣкъ былъ достоинъ быть счастливымъ.

Нѣкоторыя свойства сами даже благопріятны для этой доброй воли и могутъ очень облегчить ея дѣло; однако, не смотря на это, они не имѣютъ никакой внутренней безусловной цѣнности, а предполагаютъ всегда еще добрую волю, которая ограничиваетъ высокое уваженіе, справедливо, впрочемъ имъ оказываемое, и не позволяетъ считать ихъ безусловно добрыми. Обузданіе аффектовъ и страстей, самообладаніе и трезвое размышленіе не только во многихъ отношеніяхъ хороши, но, повидимому, составляютъ даже часть внутренней цѣнности личности; однако очень много недостаетъ для того, чтобы объявить эти свойства добрыми безъ ограниченія (какъ бы безусловно они не прославлялись древними мудрецами). Вѣдь безъ принциповъ доброй воли они могутъ сдѣлаться въ высшей степени злыми, и хладнокровіе злодѣя дѣлаетъ его не только гораздо болѣе опаснымъ, но и непосредственно для насъ еще болѣе отвратительнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ не обладалъ этимъ свойствомъ.

Доброта воли измѣряется не тѣмъ, что ею призводится или исполняется; она добра не въ силу своей пригодности къ достиженію какой-нибудь поставленной цѣли, но добра сама по себѣ только черезъ одно воленіе. Разсматриваемая сама по себѣ, она должна быть цѣнима несравненно выше, чѣмъ все, что только могло бы когда-нибудь осуществиться при помощи ея въ пользу какой-нибудь склонности, да, если угодно, даже въ пользу суммы всѣхъ склонностей. Если бы даже, въ силу особенной немилости судьбы или скуднаго надѣленія суровой природы, эта воля была совершенно не въ состояніи доводить до конца свое намѣреніе; если бы при величайшемъ ея стремленіи, ею все же ничего не было бы исполнено и оставалась бы одна добрая воля (конечно, не только какъ простое желаніе, а какъ примѣненіе всѣхъ средствъ, поскольку они въ нашей власти): то все же она стала бы блестѣть подобно драгоцѣнному камню сама по себѣ, какъ нѣчто такое, что имѣетъ въ самомъ себѣ свою полную цѣнность. Полезность или безплодность не могутъ ничего

ни придать этой цѣнности, ни что-либо отъ нея отнять. И то, и другое могло бы служить для доброй воли только своего рода оправой, при помощи которой было бы удобнѣй ею орудовать въ обычномъ оборотѣ, или обращать на нее вниманіе тѣхъ, кто еще не является достаточнымъ знатокомъ; но ни то ни другое не можетъ служить для того, чтобы рекомендовать добрую волю знатокамъ и опредѣлить ея цѣнность.

При всемъ томъ, въ этой идеѣ объ абсолютной цѣнности простой воли, которую мы оцѣниваемъ, не принимая въ разсчетъ какой бы то ни было пользы, есть что-то такое странное, что, несмотря на все согласіе съ ней даже обычнаго разума, все-таки необходимо возникаетъ подозрѣніе: можетъ быть, только безудержное фантазированіе лежитъ скрытымъ образомъ въ основѣ и, можетъ быть, природа ложно понимается въ томъ своемъ намѣреніи, руководясь которымъ она предназначила разумъ управлять нашей волей. Поэтому попробуемъ испытать эту идею съ этой точки зрѣнія.

Примемъ за правило, что среди природныхъ способностей организованнаго существа, т.-е. цѣлесообразно приспособленнаго къ жизни, нѣтъ ни одной, которая, какъ орудіе для какой-нибудь цѣли, не является въ тоже время и самымъ удобнымъ орудіемъ для этой цѣли и наиболѣе къ ней примѣнимымъ. Если бы поэтому относительно существа, которое обладаетъ разумомъ и волей, истинная цѣль природы была сохраненіе этого существа, его благополучіе, однимъ словомъ, его счастье, то она распорядилась бы очень плохо, возложивъ на разумъ этого созданія выполненіе этого своего намѣренія. Ибо всѣ дѣйствія, какія ему слѣдуетъ производить, имѣя въ виду это намѣреніе, и все правило его поведенія предначерталъ бы ему гораздо точнѣе инстинктъ и помощью послѣдняго можно было бы достигнуть вышеозначенной цѣли гораздо вѣрнѣе, чѣмъ это можетъ быть когда-нибудь сдѣлано при помощи разума. Если же, сверхъ того, облагодѣтельствованное созданіе должно было быть надѣлено разумомъ, то послѣдній могъ бы служить ему только для того, чтобы размышлять о счастливой способности своей природы,

удивляться и радоваться ей и благодарить за нее благодѣтельную причину, но не для того, чтобы подчинять его слабому и обманчивому руководству свою способность желанія и вмѣшиваться въ намѣреніе природы. Однимъ словомъ, природа предохранила бы отъ того, чтобы разумъ принималъ рѣшеніе въ практической области и отваживался со своимъ слабымъ уразумѣніемъ измышлять планъ счастья и средствъ его достигнуть; природа взяла бы на себя не только выборъ цѣлей, но также и самихъ средствъ и съ мудрой предусмотрительностью довѣрила бы и то, и другое исключительно инстинкту.

На самомъ дѣлѣ мы и находимъ, что, чѣмъ больше культивированный разумъ предается мысли о наслажденіи жизнью и о счастьи, тѣмъ дальше человѣкъ уходитъ отъ истиннаго довольства. Отсюда у многихъ людей, и притомъ самыхъ опытныхъ въ употребленіи разума, если только они достаточно чистосердечны для того, чтобы въ этомъ признаться, возникаетъ въ извѣстной степени мизологія, т.-е. презрѣніе къ разуму, такъ какъ по исчисленіи всѣхъ выгодъ, которыя они получаютъ, я не скажу уже отъ изобрѣтенія всевозможныхъ ухищреній обычной роскоши, но даже отъ наукъ (которыя, въ концѣ концовъ, представляются имъ также роскошью разсудка), они все-таки находятъ, что на дѣлѣ навязали себѣ на шею только больше бѣдствій, а никакъ не выиграли въ счастьи. Поэтому, въ конечномъ счетѣ, они не презираютъ самыхъ обыкновенныхъ людей, которые въ гораздо большей степени руководятся простымъ природнымъ инстинктомъ и которые не позволяютъ разуму пріобрѣтать большого вліянія на ихъ поведеніе, а скорѣе завидуютъ имъ. И необходимо даже признать, что сужденіе тѣхъ, кто въ значительной степени ограничиваетъ и даже сводитъ къ нулю хвастливыя восхваленія выгодъ, которыя долженъ былъ бы намъ обезпечить разумъ относительно счастья и довольства жизнью, никоимъ образомъ не можетъ быть названо мрачнымъ или неблагодарнымъ по отношенію къ благости Провидѣнія. Напротивъ, нужно признать, что въ основѣ этихъ сужденій тайнымъ образомъ лежитъ идея другой и гораздо болѣе достойной цѣли существованія

людей; для нея то именно, а не для счастья, назначенъ разумъ и ей поэтому, какъ высшему условію, должны уступать, по большей части, личныя цѣли человѣка.

Если же разумъ недостаточно приспособленъ для того, чтобы увѣренно вести волю, въ отношеніи къ ея предметамъ и къ удовлетворенію всѣхъ нашихъ потребностей (которыя онъ самъ частью увеличиваетъ), а до этой цѣли гораздо вѣрнѣе довелъ бы врожденный природный инстинктъ, и все же намъ данъ разумъ, какъ практическая способность, т.-е. такая, которая должна имѣть вліяніе на волю; то истинное назначеніе его должно состоять въ томъ, чтобы быть причиной воли, не какъ средства для какой-нибудь другой цѣли, но доброй воли самой по себѣ. Для этого непремѣнно нуженъ былъ разумъ, если только природа поступала всегда цѣлесообразно при распредѣленіи своихъ даровъ. Эта воля не можетъ быть, слѣдовательно, единственнымъ и всѣмъ благомъ, но она должна быть все же высшимъ благомъ и условіемъ для всего прочаго, даже для того, чтобы требовать счастья. Въ такомъ случаѣ вполнѣ соединимо съ признаніемъ мудрости природы то наблюденіе, что культура разума, которая необходима для первой и безусловной цѣли, въ разныхъ отношеніяхъ ограничиваетъ, по крайней мѣрѣ въ этой жизни, достиженіе второй цѣли, всегда условной, именно счастья, и даже можетъ свести ее на нѣтъ. И природа не поступаетъ при этомъ нецѣлесообразно, такъ какъ разумъ, который видитъ свое высшее практическое назначеніе въ обоснованіи доброй воли, при достиженіи этой цѣли способенъ къ удовлетворенію только на свой особый ладъ, именно къ удовлетворенію отъ выполненія цѣли, которую ставитъ опять-таки только разумъ, если бы даже это и было связано съ нѣкоторымъ ущербомъ для цѣлей склонности.

Но для того, чтобы разобраться въ понятіи доброй воли, которая должна цѣниться сама по себѣ и безъ всякаго другого умысла, въ понятіи, какъ оно имѣется уже въ природномъ здравомъ разсудкѣ и которое нуждается не столько въ томъ, чтобы его внушали, сколько въ томъ, чтобы его выяснили, въ томъ понятіи, которое при оцѣнкѣ

всей цѣнности нашихъ дѣйствій всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ и составляетъ условіе всего прочаго, возьмемъ понятіе **долга.** Это понятіе содержитъ въ себѣ понятіе доброй воли, хотя и съ извѣстными субъективными ограниченіями и препятствіями, но послѣднія не только его не скрываютъ и дѣлаютъ неузнаваемымъ, а, напротивъ, выдѣляютъ его черезъ противоположность и даютъ ему возможность выступить ярче.

Я обхожу здѣсь молчаніемъ всѣ дѣйствія, которыя узнаются уже какъ противныя долгу, хотя они и могли бы быть полезными въ томъ или другомъ отношеніи; такъ какъ относительно этихъ дѣйствій не можетъ быть даже вопроса, не совершились ли они изъ долга, если долгу они даже противорѣчатъ. Я оставляю въ сторонѣ также и тѣ дѣйствія, которыя, правда, согласны съ долгомъ, но къ которымъ люди непосредственно не имѣютъ никакой склонности, однако все же приводятъ ихъ въ исполненіе потому, что побуждаются къ этому другой склонностью. Въ такихъ случаяхъ легко различить, совершилось ли согласное съ долгомъ дѣйствіе изъ долга или въ силу эгоистическихъ намѣреній. Гораздо труднѣе замѣтить это различіе тамъ, гдѣ дѣйствіе согласно съ долгомъ, и субъектъ сверхъ того имѣетъ къ нему непосредственную склонность. Напримѣръ, безъ сомнѣнія согласно съ долгомъ, что мелочной торговецъ не запрашиваетъ слишкомъ дорого со своего неопытнаго покупателя, и, гдѣ большой оборотъ, этого не дѣлаетъ также и умный купецъ, а, напротивъ, выдерживаетъ твердо установленную общую цѣну для каждаго, такъ что ребенокъ покупаетъ у него съ такимъ же успѣхомъ, какъ и всякій другой. Съ каждымъ, такимъ образомъ, поступаютъ честно. Однако этого далеко не достаточно, чтобы на основаніи этого думать, что купецъ поступалъ такъ, руководясь долгомъ и принципами честности; того требовала его выгода; но, конечно, въ данномъ случаѣ нельзя предположить, что онъ долженъ былъ имѣть кромѣ этого еще и непосредственную склонность къ покупателямъ для того, чтобы, какъ бы изъ любви, не оказывать ни одному изъ нихъ передъ другимъ предпочтенія въ цѣнѣ. Такимъ обра-

зомъ, это дѣйствіе совершилось не изъ долга и не изъ непосредственной склонности, а просто изъ эгоистическаго разсчета.

Напротивъ, сохранять свою жизнь есть долгъ и, сверхъ того, каждый имѣетъ къ этому еще и непосредственную склонность. Но отсюда не слѣдуетъ, что подчасъ трусливая озабоченность, которую проявляетъ большинство людей относительно своей жизни, имѣетъ внутреннюю цѣнность, а максима ея—моральное содержаніе. Они охраняютъ свою жизнь согласно съ долгомъ, но не изъ долга. Напротивъ, если превратности судьбы и безнадежная тоска совершенно отняли вкусъ къ жизни, если несчастный, сильный духомъ, болѣе изъ негодованія на свою судьбу, чѣмъ изъ малодушія или подавленности, желаетъ смерти и все же сохраняетъ себѣ жизнь, не изъ склонности или страха, а изъ долга, тогда его максима имѣетъ моральное содержаніе.

Оказывать благодѣянія, гдѣ можешь, есть долгъ, и, кромѣ того, существуютъ нѣкоторыя такъ участливо настроенныя души, что онѣ, и безъ всякаго другого тщеславнаго или корыстолюбиваго побужденія, находятъ внутреннее удовольствіе въ томъ, чтобы распространять вокругъ себя радость, и могутъ радоваться довольству другихъ, поскольку оно ихъ дѣло. Но я утверждаю, что въ этомъ случаѣ всякое такое дѣйствіе, хотя оно и согласно съ долгомъ и очень симпатично, все же не имѣетъ никакой истинной нравственной цѣнности. Оно подходитъ подъ пару другимъ склонностямъ, напримѣръ, склонности къ почести, которая, если она счастливымъ образомъ нападаетъ на то, что на самомъ дѣлѣ общеполезно и согласно съ долгомъ, слѣдовательно, достойно почитанія, заслуживаетъ похвалы и поощренія, но никакъ не высокой оцѣнки. Вѣдь максимѣ не хватаетъ нравственнаго содержанія, именно, совершать такія дѣйствія не изъ склонности, но изъ долга. Предположимъ, напротивъ, что настроеніе этого друга людей заволоклось собственной печалью, которая гаситъ всякое участіе къ судьбѣ другихъ, что онъ все еще имѣетъ возможность помочь другимъ нуждающимся, но чужая бѣда его не трогаетъ, такъ какъ онъ

достаточно занятъ своею собственной, и вотъ теперь, когда никакая склонность его уже больше къ тому не побуждаетъ, онъ вырывается изъ этой мертвенной безчувственности и совершаетъ дѣйствіе безъ всякой склонности, исключительно изъ долга. Вотъ тогда только это дѣйствіе имѣетъ свою настоящую моральную цѣнность. Еще болѣе рѣзкій примѣръ: если бы природа вложила въ сердце какого либо человѣка мало симпатіи, если бы онъ (въ общемъ честный человѣкъ) обладалъ холоднымъ темпераментомъ и былъ равнодушенъ къ страданіямъ другихъ, можетъ быть, потому, что запасшись особеннымъ даромъ терпѣнія и выдержанной силы противъ своихъ собственныхъ страданій, онъ предполагаетъ и даже требуетъ того же отъ всякаго другого; если бы природа не сдѣлала изъ этого человѣка (который поистинѣ не былъ бы ея худшимъ продуктомъ) друга людей въ собственномъ смыслѣ этого слова; неужели же онъ не нашелъ бы въ себѣ еще источникъ для того, чтобы самому придать себѣ гораздо болѣе высокую цѣнность, чѣмъ та, какою можетъ быть цѣнность благодушнаго темперамента? Несомнѣнно! Именно, благотвореніе не изъ склонности, но изъ долга и подымаетъ цѣнность характера настолько, что онъ является моральнымъ и безъ всякаго сравненія высшимъ.

Обезпечить себѣ свое собственное счастье есть долгъ (по крайней мѣрѣ, не прямой), такъ какъ недовольство своимъ положеніемъ среди массы заботъ и неудовлетворенныхъ потребностей могло бы легко сдѣлаться большимъ искушеніемъ къ нарушенію обязанностей. Но и не взирая на долгъ, въ данномъ случаѣ, всѣ люди уже сами собой имѣютъ сильнѣйшую и глубочайшую склонность къ счастью, такъ какъ именно въ этой идеѣ всѣ склонности объединяются въ одну общую сумму. Но только съ этимъ предписаніемъ обезпечить собственное счастье дѣло обстоитъ по большей части такъ, что оно наноситъ большой ущербъ нѣкоторымъ склонностямъ и однако человѣкъ не можетъ составить себѣ никакого опредѣленнаго и достовѣрнаго понятія о суммѣ удовлетворенія всѣхъ склонностей, именуемой счастьемъ. Поэтому нечего удивляться тому, какъ единичная опредѣленная склонность,

въ отношеніи къ тому, что она обѣщаетъ, и къ тому времени, въ какое она можетъ быть удовлетворена, въ состояніи перевѣсить неопредѣленную идею, и человѣкъ, напримѣръ, подагрикъ, выбираетъ ѣду, какая ему по вкусу, и вмѣстѣ съ тѣмъ страданіе, какое можетъ отсюда произойти, такъ какъ послѣ разсчета, здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ не лишилъ себя наслажденія настоящаго момента ради, можетъ быть, неосновательныхъ ожиданій счастья, какое будто бы заключается въ здоровьи. Но и въ этомъ случаѣ, если общая склонность къ счастью не опредѣлила воли этого человѣка, если здоровье, для него по крайней мѣрѣ, не вошло съ такой необходимостью въ разсчетъ счастья, то и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, остается помимо всего одинъ законъ, именно способствовать своему счастью не изъ склонности, но изъ долга, и только тогда поведеніе человѣка имѣетъ настоящую моральную цѣнность.

Такъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ понимать и мѣста священнаго писанія, гдѣ повелѣвается любить своего ближняго, даже нашего врага. Вѣдъ любовь, какъ склонность, не можетъ быть предписана, но благотвореніе изъ долга, если къ тому не побуждаетъ никакая склонность и даже противостоитъ естественное и непобѣдимое отвращеніе, есть практическая, а не патологическая любовь. Она положена въ волѣ, а не во влеченіи чувства, въ принципахъ дѣйствія, а не въ нѣжномъ участіи; только такая любовь и можетъ быть предписана.

Второе положеніе—слѣдующее: дѣйствіе изъ долга имѣетъ свою моральную цѣнность въ зависимости не отъ той цѣли, которая можетъ быть посредствомъ него достигнута, но отъ той максимы, которая его опредѣлила; эта цѣнность зависитъ, слѣдовательно, не отъ дѣйствительности предмета дѣйствія, но только отъ принципа воленія, по которому совершилось дѣйствіе безотносительно ко всѣмъ предметамъ способности желанія. Что намѣренія, которыя мы можемъ имѣть при совершеніи дѣйствій, и ихъ вліяніе, какъ цѣлей и мотивовъ воли, не могутъ придать дѣйствіямъ никакой безусловной и мо-

ральной цѣнности, ясно изъ предыдущаго. Въ чемъ же, слѣдовательно, можетъ заключаться эта цѣнность, если она не должна содержаться въ волѣ, взятой примѣнительно къ тому результату, на какой она надѣется? Эта цѣнность не можетъ находиться ни въ чемъ другомъ, какъ только въ принципѣ воли, безъ отношенія къ тѣмъ цѣлямъ, какія могутъ быть достигнуты посредствомъ такого дѣйствія. Вѣдь воля стоитъ какъ бы на распутьи между своимъ принципомъ a priori, который формаленъ, и своимъ побужденіемъ a posteriori, которое матеріально, и такъ какъ все-таки она должна быть чѣмъ-нибудь опредѣлена, то, если дѣйствіе совершается изъ долга, ее необходимо долженъ опредѣлить формальный принципъ воленія вообще, ибо всякій матеріальный принципъ у нея отнятъ.

Третье положеніе, какъ слѣдствіе изъ обоихъ предыдущихъ, я бы выразилъ слѣдующимъ образомъ: долгъ есть необходимость дѣйствія изъ уваженія къ закону. Къ объекту, какъ результату моего предполагаемаго дѣйствія, я, хотя и могу имѣть склонность, но никогда не могу чувствовать уваженіе, именно потому, что онъ только результатъ, а не дѣятельность воли. Точно такъ же я не могу испытывать уваженіе къ склонности вообще, будетъ ли она моею или склонностью кого-нибудь другого; самое большее, что я могу, это—въ первомъ случаѣ ее одобрять, во второмъ иногда даже любить, т.-е. разсматривать ее, какъ благопріятствующую моей собственной выгодѣ. Лишь то, что связано съ моей волей только какъ основаніе, но не какъ результатъ, что не служитъ моей склонности, но перевѣшиваетъ ее, по крайней мѣрѣ, совершенно исключаетъ ее изъ разсчета воли при выборѣ, слѣдовательно, только законъ самъ по себѣ можетъ быть предметомъ уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ предписаніемъ. Итакъ, дѣйствіе изъ долга должно совершенно устранить вліяніе склонности и вмѣстѣ съ ней всякій предметъ воли. Слѣдовательно, для воли въ этомъ случаѣ не остается ничего, что могло бы ее опредѣлить, кромѣ—объективно—закона и—субъективно—чистаго уваженія къ этому практическому закону, т.-е. ничего,

кромѣ максимы [1]): слѣдовать такому закону даже вопреки всѣмъ моимъ склонностямъ.

Такимъ образомъ, моральная цѣнность дѣйствія заключается не въ результатѣ, который отъ него ожидается, слѣдовательно, также и не въ какомъ-нибудь принципѣ дѣйствія, который нуждается въ заимствованіи своей побудительной причины отъ этого ожидаемаго результата. Вѣдь ко всѣмъ этимъ результатамъ (собственному пріятному состоянію и даже способствованію чужому счастью) могли бы привести и другія причины и для этого, слѣдовательно, не требовалось воли разумнаго существа; между тѣмъ, въ ней одной можно найти высшее и безусловное благо. Поэтому не что другое, какъ представленіе закона само по себѣ, которое имѣется, конечно, только у разумнаго существа, поскольку это представленіе, а не ожидаемый результатъ, является опредѣляющимъ основаніемъ воли, можетъ дать то благо, предпочтительное всѣмъ другимъ, которое мы называемъ нравственнымъ и которое присутствуетъ уже въ самой личности, руководящейся въ дѣйствіи этимъ представленіемъ, а не ожидается еще только въ результатѣ дѣйствія [2]).

---

[1]) Максима есть субъективный принципъ воленія; объективный принципъ (т.-е. такой, который служилъ бы всѣмъ разумнымъ существамъ также и субъективно практическимъ принципомъ, если бы разумъ имѣлъ полную власть надъ способностью желанія) есть практическій законъ.

[2]) Меня могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что я, прикрываясь словомъ уваженіе, на самомъ дѣлѣ только ищу прибѣжища въ темномъ чувствѣ, вмѣсто того, чтобы дать отчетливое объясненіе по этому вопросу, пользуясь понятіями разума. Но, хотя уваженіе и есть чувство, тѣмъ не менѣе это—чувство, не внѣдренное какимъ-нибудь вліяніемъ, но произведенное самостоятельно понятіемъ разума; поэтому оно специфически отлично отъ всѣхъ чувствъ перваго рода, которыя можно свести къ склонности или страху. Когда я узнаю нѣчто непосредственно, какъ законъ для себя, я испытываю уваженіе, которое означаетъ просто сознаніе подчиненія моей воли закону, безъ посредства другихъ вліяній на мое чувство. Непосредственное опредѣленіе воли закономъ и сознаніе этого опредѣленія называется уваженіемъ, такъ что послѣднее разсматривается какъ дѣйствіе закона на субъектъ, а не какъ причина, порождающая законъ. Уваженіе есть, собственно, представленіе о

Однако, что же это можетъ быть за законъ, представленіе котораго, даже безъ отношенія къ ожидаемому отъ него результату, должно опредѣлить волю для того, чтобы послѣдняя могла считаться рѣшительно и безъ ограниченій доброй? Такъ какъ я лишилъ волю всѣхъ побужденій, которыя для нея могли бы возникнуть изъ исполненія какого-нибудь закона, то не остается ничего, кромѣ общей закономѣрности дѣйствій вообще, которая и должна служить волѣ принципомъ. Это значитъ: я не долженъ никогда поступать иначе, какъ только по такой максимѣ, относительно которой я могъ бы желать, чтобы она стала всеобщимъ закономъ. Здѣсь не приходится полагать въ основу какого-нибудь опредѣленнаго закона, разсчитаннаго на извѣстныя дѣйствія; простая закономѣрность вообще есть то, что служитъ волѣ принципомъ, что и должно служить ей таковымъ, если долгъ вообще—не пустая фантазія и химерическое понятіе; съ этимъ положеніемъ согласенъ и обычный человѣческій разумъ въ своемъ практическомъ разсужденіи, и онъ постоянно имѣетъ въ виду упомянутый принципъ.

Положимъ, напримѣръ, вопросъ ставится слѣдующимъ

цѣнности, которая заставляетъ меня поступаться себялюбіемъ. Слѣдовательно, это есть нѣчто, что не можетъ разсматриваться ни какъ предметъ склонности, ни какъ предметъ страха, хотя оно въ то же время имѣетъ нѣчто аналогичное съ тѣмъ и другимъ. Предметъ уваженія есть, такимъ образомъ, исключительно законъ, и притомъ такой, который мы налагаемъ на себя сами, и однако какъ необходимый самъ по себѣ. Какъ закону, мы подчиняемся ему, не наводя справокъ у себялюбія; какъ возложенный на насъ нами самими, этотъ законъ есть, однако, слѣдствіе нашей воли. Въ первомъ отношеніи онъ имѣетъ аналогію со страхомъ, во второмъ—со склонностью. Все уваженіе къ личности есть, въ сущности, только уваженіе къ закону (честности, прямоты и т. д.), наглядный примѣръ котораго намъ даетъ эта личность. Такъ какъ развивать свои таланты мы также считаемъ долгомъ, то и въ талантливой личности мы усматриваемъ какъ бы наглядный примѣръ закона (чтобы сдѣлаться подобнымъ ей въ этомъ путемъ упражненія) и это создаетъ наше къ ней уваженіе. Весь такъ называемый моральный интересъ состоитъ исключительно въ уваженіи къ закону.

образомъ: не могу ли я, если я нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, дать обѣщаніе съ намѣреніемъ его не сдержать? Въ этомъ случаѣ я легко усматриваю разное значеніе, какое можетъ имѣть вопросъ; это значеніе различно въ томъ случаѣ, если я спрошу, благоразумно-ли давать лживое обѣщаніе, или же въ томъ, если я спрошу, согласно ли съ долгомъ дѣлать это. Первое, безъ сомнѣнія, часто можетъ имѣть мѣсто. Правда, я очень хорошо вижу, что недостаточно еще путемъ этой уловки выбраться изъ затруднительнаго положенія настоящаго момента, но что, кромѣ того, должно быть хорошенько обдумано, не могутъ ли изъ этой лжи возникнуть для меня впослѣдствіи гораздо большія неудобства, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ я сейчасъ освобождаюсь; а такъ какъ послѣдствія при всей моей мнимой хитрости не такъ легко предусмотрѣть, чтобы заранѣе знать, что разъ потерянное довѣріе не можетъ оказаться для меня гораздо большимъ вредомъ, чѣмъ все то зло, котораго я сейчасъ думаю избѣжать, то, можетъ быть, благоразумнѣе было бы въ томъ случаѣ поступать согласно всеобщей максимѣ и вмѣнить себѣ въ привычку обѣщать что-нибудь не иначе, какъ съ намѣреніемъ исполнить обѣщанное. Однако мнѣ скоро дѣлается яснымъ, что подобная максима все еще имѣетъ въ своей основѣ только боязнь послѣдствій. Но вотъ—быть правдивымъ изъ долга, это уже нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ быть такимъ изъ боязни вредныхъ послѣдствій. Въ то время какъ въ первомъ случаѣ понятіе дѣйствія само по себѣ уже содержитъ въ себѣ законъ для меня, во второмъ я прежде всего долженъ осмотрѣться вокругъ себя и взвѣсить, какіе результаты могутъ быть съ этимъ для меня связаны. Вѣдь, если я отклоняюсь отъ принципа долга, то это безусловно дурно; если же я измѣню моей максимѣ благоразумія, то это иногда можетъ оказаться для меня очень выгоднымъ, хотя, конечно, надежнѣе оставаться ей вѣрнымъ. Однако, чтобы придти кратчайшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ путемъ къ отвѣту на этотъ вопросъ, согласно ли съ долгомъ лживое обѣщаніе, я спрашиваю самого себя, былъ ли бы я доволенъ, если бы моя максима (выйти изъ затрудни-

тельнаго положенія посредствомъ лживаго обѣщанія) должна была имѣть значеніе всеобщаго закона (какъ для меня, такъ и для другихъ)? И могъ ли бы я сказать самому себѣ: пусть каждый даетъ лживое обѣщаніе, если онъ находится въ затруднительномъ положеніи, выйти изъ котораго онъ не имѣетъ другого средства? Поставивъ такъ вопросъ, я скоро пришелъ бы къ убѣжденію, что, хотя я и могу желать лжи, но никакъ не могу желать общаго для всѣхъ закона лгать; вѣдь при наличности такого закона собственно не существовало бы никакого обѣщанія, потому что было бы напрасно изъявлять мою волю относительно моихъ будущихъ дѣйствій другимъ людямъ, которые этому изъявленію не вѣрятъ, или, если бы они необдуманно сдѣлали это, отплатили бы мнѣ, конечно, тою же монетой. Слѣдовательно, моя максима, какъ скоро она была бы сдѣлана всеобщимъ закономъ, необходимо разрушила бы саму себя.

Такимъ образомъ, я не нуждаюсь въ какой-нибудь далеко хватающей проницательности, чтобы знать, какъ мнѣ поступать, дабы мое воленіе было нравственно добрымъ. Не освѣдомленный въ ходѣ вещей, не приготовленный ко всѣмъ происходящимъ въ жизни событіямъ, я спрашиваю себя только: можешь ли ты хотѣть, чтобы твоя максима стала всеобщимъ закономъ? Если ты этого не можешь, то она не пригодна, и притомъ не въ силу вытекающаго изъ нея вреда для тебя или для другихъ, но потому что она не годится какъ принципъ для возможнаго всеобщаго законодательства. Къ послѣднему же разумъ вынуждаетъ у меня непосредственное уваженіе, относительно котораго я, правда, сейчасъ еще *не знаю*, на чемъ оно основывается (пусть это изслѣдуетъ философъ), но по меньшей мѣрѣ понимаю хотя бы слѣдующее: что оно есть высокая оцѣнка цѣнности, которая далеко перевѣшиваетъ всю цѣнность того, что превозносится склонностью, и, далѣе, что необходимость моихъ дѣйствій изъ *чистаго* уваженія къ практическому закону есть то, что составляетъ долгъ; ему должна уступить всякая другая побудительная причина, такъ какъ онъ есть условіе воли доброй *самой по себѣ*, цѣнность которой выше всего остального.

Такимъ образомъ, мы, наконецъ, добрались въ моральномъ познаніи обычнаго человѣческаго разума до его принципа, который этотъ разумъ, конечно, не представляетъ себѣ такъ отвлеченно въ общей формѣ, но все же постоянно имѣетъ передъ глазами и употребляетъ, какъ мѣрило въ своихъ сужденіяхъ. Здѣсь было бы легко показать, какъ онъ, съ этимъ компасомъ въ рукахъ, во всѣхъ представляющихся случаяхъ отлично зналъ бы путь къ тому, чтобы различить, что хорошо, что дурно, что согласно съ долгомъ или что ему противорѣчитъ, если, не уча его ничему новому, только обратить его вниманіе, какъ сдѣлалъ Сократъ, на его собственный принципъ; слѣдовательно, нѣтъ нужды ни въ какой наукѣ и философіи для того, что бы знать, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы быть честнымъ и добрымъ, и даже мудрымъ и добродѣтельнымъ. Вѣдь уже впередъ можно было предположить, что знаніе того, что каждому человѣку надлежитъ дѣлать, а, слѣдовательно, и знать, также составляетъ достояніе каждаго, даже самаго обычнаго человѣка. Здѣсь нельзя однако не удивляться тому, какъ много преимуществъ имѣетъ за собою въ обычномъ человѣческомъ разсудкѣ практическая способность сужденія передъ теоретической. Въ послѣдней, если обычный разумъ отваживается уклониться отъ эмпирическихъ законовъ и чувственныхъ воспріятій, онъ впадаетъ въ прямыя противорѣчія съ самимъ собой, приходитъ къ непонятному, по меньшей мѣрѣ къ хаосу неизвѣстности, темноты и ненадежности. Въ практической же области сила сужденія только тогда и начинаетъ показывать себя съ очень выгодной стороны, если обычный разсудокъ исключаетъ изъ практическихъ законовъ всѣ чувственныя побужденія. Тогда онъ дѣлается даже тонкимъ; можетъ случиться, что онъ будетъ лукавить передъ своею совѣстью или другими притязаніями относительно того, что должно называться правильнымъ, или, можетъ быть, захочетъ также для собственнаго наставленія искренне опредѣлить цѣнность дѣйствія и, что самое главное, въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ съ точно такимъ же успѣхомъ питать надежду вѣрно попасть въ цѣль, какъ и философъ; онъ даже въ этомъ случаѣ надежнѣе филосо-

фа, такъ какъ послѣдній руководится, въ концѣ концовъ, тѣмъ же самымъ принципомъ, но можетъ запутать свое сужденіе массой постороннихъ, не относящихся къ дѣлу соображеній, и благодаря этому отклониться отъ прямого направленія. Не было ли бы поэтому предпочтительнѣе въ дѣлахъ морали предоставить все обычному сужденію разума, и, самое большее, привносить философію только для того, чтобы тѣмъ полнѣе и доступнѣе представить систему нравовъ, равнымъ образомъ и правила ея изложить болѣе удобно для употребленія (но еще болѣе для споровъ), но не для того, чтобы въ цѣляхъ самой практики выводить обычный человѣческій разсудокъ изъ его счастливой простоты и вовлекать его посредствомъ философіи на новый путь изслѣдованія и поученія?

Невинность, конечно, прекрасная вещь, но вѣдь, опять-таки, очень плохо, что ее трудно охранять и что она легко вводится въ соблазнъ. Поэтому сама мудрость, которая вообще гораздо болѣе состоитъ въ дѣятельности, чѣмъ въ знаніи, все таки нуждается въ наукѣ, не для того, чтобы у нея учиться, но для того, чтобы обезпечить доступъ и прочность ея предписаніямъ. Человѣкъ ощущаетъ въ себѣ самомъ могущественный противовѣсъ всѣмъ предписаніямъ долга, которыя разумъ представляетъ ему достойными такого высокаго уваженія, въ своихъ потребностяхъ и склонностяхъ, удовлетвореніе которыхъ въ цѣломъ онъ охватываетъ подъ именемъ счастья. Разумъ, между тѣмъ, даетъ свои предписанія, не обѣщая однако при этомъ чего-нибудь склонностямъ, даетъ ихъ съ неумолимостью, слѣдовательно, какъ бы съ пренебреженіемъ и полнымъ равнодушіемъ къ столь неотступнымъ и притомъ, повидимому, столь справедливымъ притязаніямъ (которыя не хотятъ отступить ни передъ какими предписаніями). Отсюда возникаетъ естественная діалектика, т. е. наклонность мудрствовать наперекоръ тѣмъ строгимъ законамъ долга и подвергать сомнѣнію ихъ силу, по крайней мѣрѣ ихъ чистоту и строгость, а также, гдѣ это только возможно, дѣлать ихъ болѣе соотвѣтствующими нашимъ желаніямъ и склонностямъ, т. е. въ корнѣ подрывать ихъ и лишать ихъ всего ихъ достоинства, что, въ концѣ кон-

цовъ, не можетъ одобрить даже обычный практическій разумъ.

Такимъ образомъ, обычный человѣческій разумъ, не благодаря какой-нибудь потребности въ спекуляціи (къ чему у него совершенно нѣтъ охоты, пока онъ довольствуется своею ролью простого здраваго разума), но по самымъ практическимъ основаніямъ вынужденъ выйти изъ своего круга и сдѣлать шагъ въ поле практической философіи, чтобы получить здѣсь свѣдѣнія и ясныя указанія относительно источника своего принципа и относительно истиннаго назначенія послѣдняго по сравненію съ тѣми максимами, которыя опираются на потребности и склонности. Это поможетъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія, возникающаго въ силу двустороннихъ притязаній, и освободитъ отъ опасности лишиться всѣхъ настоящихъ нравственныхъ принциповъ благодаря той двусмысленности, въ какую онъ легко попадаетъ. Такимъ образомъ и въ практическомъ обычномъ разумѣ, если онъ работаетъ надъ собой, незамѣтно возникаетъ діалектика, которая принуждаетъ его искать помощи въ философіи, точно такъ же, какъ это происходитъ съ разумомъ и въ его теоретическомъ употребленіи; поэтому первый такъ же мало, какъ и второй, можетъ найти успокоеніе въ чемъ-нибудь другомъ, кромѣ какъ во всеобъемлющей критикѣ нашего разума.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Переходъ отъ популярной нравственной философіи къ метафизикѣ нравовъ.

Если мы вывели то понятіе долга, которымъ мы до сихъ поръ оперировали, изъ обычнаго употребленія нашего практическаго разума, то отсюда никоимъ образомъ нельзя заключать, будто бы мы трактовали его, какъ понятіе, почерпнутое изъ опыта. Напротивъ, какъ только мы обращаемся къ опыту и слѣдимъ за дѣятельностью людей, мы встрѣчаемся съ частыми и, какъ мы сами соглашаемся, справедливыми жалобами, что нельзя даже привести никакихъ надежныхъ примѣровъ настроенія дѣйствовать изъ чистаго долга, что, хотя нѣчто и можетъ произойти согласно тому, что предписываетъ долгъ, но тѣмъ не менѣе всегда остается сомнѣніе, произошло ли это дѣйствительно изъ долга, и имѣетъ ли, слѣдовательно, моральную цѣнность. Поэтому во всѣ времена были философы, которые рѣшительно отрицали дѣйствительность такого настроенія въ человѣческихъ поступкахъ и приписывали все болѣе или менѣе утонченному эгоизму. Однако это не заставляло ихъ сомнѣваться въ самомъ понятіи нравственности; напротивъ, они съ искреннимъ сожалѣніемъ упоминали о неустойчивости и несовершенствѣ человѣческой природы; она, правда, достаточно благородна для того, чтобы возвести въ правило для себя такую достойную уваженія идею, но въ то же время слишкомъ слаба, чтобы ей слѣдовать; она пользуется разумомъ, который долженъ былъ бы служить ей для законодатель-

ства, только для того, чтобы удовлетворить интересу склонностей, или взятыхъ въ отдѣльности или, самое большее, въ ихъ наивозможной согласованности между собой.

На самомъ дѣлѣ совершенно невозможно привести изъ опыта съ полной достовѣрностью хотя бы одинъ случай, гдѣ максима вообще согласнаго съ долгомъ дѣйствія покоилась бы исключительно на моральныхъ основаніяхъ и на представленіи нашего долга. Правда, иногда можетъ случиться, что при строжайшемъ испытаніи самихъ себя мы не встрѣчаемъ ничего, что, помимо моральнаго основанія долга, могло бы оказаться настолько могущественнымъ, чтобы побудить къ тому или другому доброму дѣйствію и столь великой жертвѣ; однако отсюда никакъ нельзя съ увѣренностью заключить, что дѣйствительно никакое тайное побужденіе эгоизма, только подъ видомъ той идеи, не было настоящей опредѣляющей причиной воли; мы же, вмѣсто нея, охотно ласкаемъ себя ложно присвоеннымъ болѣе благороднымъ побудительнымъ мотивамъ, а на самомъ дѣлѣ даже путемъ строжайшаго испытанія никогда не можемъ вполнѣ раскрыть тайныя побужденія, такъ какъ когда мы говоримъ о моральной цѣнности, то дѣло идетъ не о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя мы видимъ, но о тѣхъ внутреннихъ принципахъ дѣйствій, которыхъ мы не видимъ.

Тѣмъ, кто осмѣиваетъ всякую нравственность, какъ простое созданіе человѣческаго воображенія, которое благодаря самомнѣнію превосходитъ само себя, нельзя оказать болѣе желанной услуги, какъ допустить вмѣстѣ съ ними, что понятія долга (такъ же какъ и всѣ другія понятія, какъ это изъ удобства люди охотно себѣ внушаютъ) должны были получиться изъ опыта; этимъ допущеніемъ мы заготовили бы имъ надежный тріумфъ. Изъ человѣколюбія я бы согласился, пожалуй, съ тѣмъ, что большинство нашихъ дѣйствій согласны съ долгомъ; но стоитъ только ближе всмотрѣться въ мечтанія и стремленія людей, какъ мы всюду натолкнемся на ихъ любезное я, которое всегда бросается въ глаза; на него и опираются ихъ намѣренія, а вовсе не на строгую заповѣдь долга, которая много

разъ потребовала бы самоотрицанія. Да даже и не нужно быть врагомъ добродѣтели, а просто только хладнокровнымъ наблюдателемъ, не принимающимъ живѣйшаго желанія добра тотчасъ за его дѣйствительность, для того, чтобы (въ особенности съ увеличеніемъ жизненнаго опыта и развитіемъ способности сужденія, которая подъ вліяніемъ опыта становится отчасти болѣе утонченной, отчасти болѣе изощренной къ наблюденію) въ извѣстные моменты сомнѣваться въ томъ, есть ли дѣйствительно въ мірѣ какая-нибудь истинная добродѣтель. И тутъ уже ничто не можетъ предотвратить полнаго отреченія отъ нашихъ идей долга и сохранить въ душѣ заслуженное уваженіе къ его закону, кромѣ яснаго убѣжденія, что, если даже никогда не совершалось дѣйствій, которыя возникали бы изъ такихъ чистыхъ источниковъ, то вѣдь здѣсь вовсе нѣтъ и рѣчи о томъ, происходитъ или нѣтъ то или другое; что здѣсь разумъ предписываетъ самому себѣ и независимо отъ всѣхъ явленій то, что должно происходить; слѣдовательно, дѣйствія, никакого примѣра которыхъ, можетъ быть, до сихъ поръ и не далъ міръ, и въ возможности которыхъ очень и очень сомнѣвается тотъ, кто все основываетъ на опытѣ, тѣмъ не менѣе съ неумолимостью предписываются разумомъ. Поэтому, напримѣръ, требованіе отъ каждаго человѣка чистосердечія въ дружбѣ нисколько не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, можетъ быть, до сихъ поръ не было ни одного чистосердечнаго друга, ибо этотъ долгъ, какъ долгъ вообще, до всякаго опыта положенъ въ идеѣ разума, опредѣляющаго волю основаніями a priori.

Прибавимъ къ этому, что, если только не хотятъ оспаривать у понятія нравственности всю его истинность и отношеніе къ какому-нибудь возможному объекту, то нельзя отрицать, что значеніе нравственнаго закона до такой степени широко, что онъ имѣетъ силу не только для людей, но для всѣхъ разумныхъ существъ вообще, не только при случайныхъ условіяхъ и съ исключеніями, но безусловно необходимо; тогда дѣлается яснымъ, что никакой опытъ не можетъ дать повода къ заключенію даже о возможности такихъ аподиктическихъ

законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ же правомъ можемъ мы то, что, можетъ быть, имѣетъ значеніе только при случайныхъ условіяхъ человѣчества, окружать безпредѣльнымъ уваженіемъ, какъ всеобщее предписаніе для всякой разумной природы, и какимъ образомъ законы опредѣленія нашей воли могли бы приниматься за законы опредѣленія воли разумнаго существа вообще и, только какъ таковые, считаться закономъ и для нашей воли, если бы они были только эмпирическими и не получали бы своего источника вполнѣ a priori изъ чистаго, но практическаго разума?

И нельзя было бы придумать для нравственности ничего хуже, какъ если бы хотѣли вывести ее изъ примѣровъ. Вѣдь каждый представляемый мнѣ примѣръ нравственности самъ долженъ быть сначала обсужденъ по принципамъ моральности, достоинъ ли еще онъ служить первоначальнымъ примѣромъ, т.-е. образцомъ, а никоимъ образомъ не можетъ предоставить въ наше распоряженіе само высшее понятіе моральности. Даже Евангельскій Прообразъ святости (der Heilige des Evangelii) долженъ быть сопоставленъ съ нашимъ идеаломъ нравственнаго совершенства, прежде чѣмъ мы признаемъ Его этимъ идеаломъ; Спаситель и говоритъ о самомъ себѣ: что называете вы Меня (котораго вы видите) благимъ? никто не благъ (первообразъ блага), кромѣ единаго Бога (котораго вы не видите). Но откуда же у насъ понятіе о Богѣ, какъ о высшемъ благѣ? Исключительно изъ идеи нравственнаго совершенства, которую разумъ создаетъ a priori и которую онъ неразрывно связываетъ съ понятіемъ свободной воли. Подражаніе въ нравственной области совершенно не имѣетъ мѣста и примѣры служатъ только къ ободренію, т.-е. они оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія возможность того, что предписываетъ законъ; они дѣлаютъ наглядымъ то, что практическое правило выражаетъ болѣе отвлеченно, но они никогда не могутъ дать намъ право оставить въ сторонѣ ихъ истинный оригиналъ, заключающійся въ разумѣ, и руководствоваться примѣрами.

Если, такимъ образомъ, нѣтъ никакого настоящаго высшаго принципа нравственности, который не долженъ

былъ бы независимо отъ всякаго опыта основываться только на чистомъ разумѣ, то, я думаю, нѣтъ нужды и спрашивать, хорошо ли излагать въ общемъ видѣ (in abstracto) эти понятія такъ, какъ они установлены a priori, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ принципами, что и требуется, если познаніе должно отличаться отъ обычнаго и получить названіе философскаго. Но въ наше время этотъ вопросъ былъ бы очень нелишнимъ. Такъ какъ, если бы мы стали собирать голоса относительно того, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе, чистому ли, отдѣленному отъ всего эмпирическаго познанію разума, т.-е. метафизикѣ нравовъ, или популярной практической философіи, то мы скоро догадались бы, на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Опускаться, такимъ образомъ, къ ходячимъ понятіямъ, безъ сомнѣнія, очень похвально, если только передъ этимъ мы поднялись до принциповъ свободнаго разума и получили при этомъ полное удовлетвореніе; это значило бы прежде основать ученіе о нравахъ на метафизикѣ, а потомъ уже, когда оно прочно установлено, сдѣлать его путемъ популяризаціи доступнымъ; но крайне нелѣпо итти навстрѣчу популярности уже при первомъ изслѣдованіи, отъ котораго зависитъ вся правильность принциповъ. Этотъ образъ дѣйствій, прежде всего, никогда не можетъ заявить притязанія на въ высшей степени рѣдкостную заслугу истинной философской популярности, такъ какъ нѣтъ никакого искусства въ томъ, чтобы быть общепонятнымъ, если при этомъ отказываешься отъ всякаго основательнаго проникновенія. Кромѣ того, онъ порождаетъ отвратительную смѣсь нахватанныхъ отовсюду наблюденій и полупродуманныхъ принциповъ, которая доставляетъ удовольствіе пустымъ головамъ, такъ какъ это все-таки—нѣчто очень пригодное для каждодневной болтовни. Но проницательные люди чувствуютъ во всемъ томъ путаницу и, будучи однако не въ силахъ себѣ помочь, съ неудовольствіемъ отъ этого отворачиваются. Тѣмъ не менѣе философы, насквозь проникающіе въ этотъ обманъ, находятъ мало слушателей, если они на нѣкоторое время отказываются отъ мнимой популярности для того, чтобы только послѣ завоеваннаго опредѣленнаго

уразумѣнія получить возможность быть популярными уже съ правомъ на это.

Стоитъ только взглянуть на опыты о нравственности, написанные въ этомъ излюбленномъ вкусѣ, какъ столкнешься то съ особымъ назначеніемъ человѣческой природы (иногда впрочемъ и съ идеей разумной природы вообще), то съ совершенствомъ, то со счастьемъ, здѣсь найдешь моральное чувство, тамъ—страхъ передъ Богомъ, немножко отсюда, немножко оттуда, и все это въ удивительнѣйшей смѣси. При этомъ даже не приходитъ въ голову спросить, можно ли вообще искать принципы нравственности въ знаніи человѣческой природы (которое мы можемъ получить все-таки только изъ опыта). Если же нѣтъ, если эти принципы можно найти вполнѣ a priori, свободными отъ всего эмпирическаго, просто въ чистыхъ понятіяхъ разума и нигдѣ иначе, ни въ малѣйшей ихъ части, то слѣдуетъ принять рѣшеніе лучше уже совершенно отдѣлить это изслѣдованіе, какъ чистое практическое ученіе о мірѣ (reine praktische Weltweisheit) или (если можно употребить такое обезславленное названіе) какъ метафизику [1]) нравовъ, довести его само для себя до всей его полноты, публику же, которая жаждетъ поцулярности, попросить подождать до окончанія этого предпріятія.

Но такая вполнѣ изолированная метафизика нравовъ, не смѣшанная ни съ какой антропологіей, ни съ какой теологіей, ни съ какой физикой или сверхъ-физикой и тѣмъ менѣе съ скрытыми качествами (которыя можно было бы назвать подфизическими), есть не только необходимый субстратъ всего теоретическаго, точно опредѣленнаго познанія обязанностей, но въ то же время дезидератъ вели-

---

[1]) Можно, если угодно (подобно тому какъ чистую математику отличаютъ отъ прикладной, чистую логику—отъ прикладной, точно такъ же) различать чистую философію нравовъ (метафизику) отъ прикладной (а именно, примѣненной къ человѣческой природѣ). Это наименованіе будетъ сейчасъ же напоминать, что нравственные принципы, не основываясь на особенностяхъ человѣческой природы, должны твердо стоять сами по себѣ a priori; только изъ нихъ уже, какъ для всякой разумной природы, такъ, слѣдовательно, и для человѣческой, могутъ быть выведены практическія правила.

чайшей важности для дѣйствительнаго исполненія ихъ предписаній. Въ самомъ дѣлѣ, чистое представленіе долга, и вообще, нравственнаго закона, безъ всякой чуждой примѣси эмпирическихъ побужденій, имѣетъ на человѣческое сердце благодаря одному только разуму (который при этомъ только въ первый разъ понимаетъ, что онъ можетъ быть самъ для себя также и практическимъ) настолько болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ всѣ другіе мотивы [1]), которые можно было бы собрать изъ эмпирическаго поля, что оно презираетъ эти послѣдніе и постепенно можетъ сдѣлаться ихъ господиномъ. Вмѣсто этого, смѣшанное ученіе о нравахъ, которое составлено изъ мотивовъ, основанныхъ на чувствахъ и склонностяхъ, и въ то же время изъ понятій разума, должно сдѣлать неустойчивымъ душевное настроеніе среди побудительныхъ причинъ, которыя нельзя подвести ни подъ какой принципъ и которыя часто могутъ привести даже къ злу и только очень случайно ведутъ къ добру.

Изъ всего сказаннаго выясняется: что всѣ нравственныя понятія имѣютъ свое мѣсто и источникъ вполнѣ a priori въ разумѣ, и притомъ точно такъ же въ обычнѣй-

---

[1]) У меня имѣется письмо отъ покойнаго достоуважаемаго Зульцера, гдѣ онъ меня спрашиваетъ: что можетъ быть причиной того, что ученія о добродѣтели, какъ бы много убѣдительнаго для разума они въ себѣ не заключали, тѣмъ не менѣе имѣютъ такъ мало вліянія. Я нѣсколько запоздалъ съ отвѣтомъ, благодаря тому, что приготовлялся дать его во всей полнотѣ. Однако онъ будетъ состоять только въ томъ, что сами учители не представили свои понятія во всей чистотѣ и, желая это исправить, и сдѣлать лѣкарство достаточно сильнымъ, портятъ его тѣмъ, что отовсюду набираютъ побудительныя причины къ нравственному добру. Вѣдь самое поверхностное наблюденіе обнаруживаетъ, что, если намъ показываютъ честное дѣйствіе, какъ оно было выполнено независимо отъ всякаго ожиданія какой-нибудь выгоды въ этомъ или другомъ мірѣ, даже при величайшихъ искушеніяхъ нужды или соблазна, съ непоколебимымъ духомъ, то оно далеко оставляетъ за собой и затемняетъ всякое похожее на него дѣйствіе, которое хотя бы только въ малѣйшей долѣ было вызвано чуждымъ побужденіемъ, подымаетъ духъ и вызываетъ желаніе самому дѣйствовать также. Даже дѣти-подростки способны получать такое впечатлѣніе, и поэтому имъ не слѣдуетъ никогда представлять иначе ихъ обязанности.

шемъ человѣческомъ разумѣ, какъ и въ спекулятивномъ даже въ самой высокой мѣрѣ; что они не могутъ быть отвлечены ни отъ какого эмпирическаго и поэтому только случайнаго познанія; что эта чистота ихъ происхожденія какъ разъ и дѣлаетъ ихъ достойными служить намъ высшими практическими принципами; что привнесеніемъ эмпирическаго элемента мы каждый разъ въ такой же мѣрѣ умаляемъ ихъ настоящее вліяніе и безграничную цѣнность дѣйствій, въ какой привнесли этотъ эмпирическій элементъ; что не только величайшая необходимость въ теоретическихъ видахъ, когда дѣло идетъ только о спекуляціи, требуетъ того, чтобы понятія и законы нравственности черпались изъ чистаго разума, излагались во всей чистотѣ и обособленности и, наконецъ, чтобы былъ опредѣленъ объемъ всего этого практическаго или чистаго познанія разума, т.-е. вся способность чистаго практическаго разума, но что все это является дѣломъ величайшей практической важности. Однако надо замѣтить, что при выполненіи этого дѣла не слѣдуетъ ставить принципы въ зависимость отъ особенной природы человѣческаго разума, какъ это охотно допускаетъ, да даже иногда находитъ необходимымъ, спекулятивная философія; напротивъ, здѣсь, въ силу того, что моральные законы должны имѣть значеніе для каждаго разумнаго существа вообще, необходимо выводить ихъ уже изъ общаго понятія разумнаго существа вообще и, такимъ образомъ, излагать всю мораль, которая для своего примѣненія къ людямъ нуждается въ антропологіи, сначала независимо отъ нея, какъ чистую философію, т.-е. какъ метафизику, во всей полнотѣ (что легко допускаетъ этотъ родъ вполнѣ обособленнаго познанія). Вѣдь мы не можемъ не сознавать, что, не обладая послѣдней, не только совершенно напрасно пытаться точно опредѣлить для спекулятивнаго обсужденія моральный элементъ долга во всемъ, что согласно съ долгомъ, но даже просто въ обычномъ и практическомъ употребленіи безъ нея невозможно основать нравы на ихъ настоящихъ принципахъ и такимъ путемъ вызывать чистыя моральныя настроенія и вкоренять умамъ стремленіе къ высшему міровому благу.

Однако, чтобы въ этой работѣ подняться по естественнымъ ступенямъ не просто отъ обычнаго нравственнаго разсужденія (которое здѣсь достойно большого уваженія) къ философскому, какъ это произошло раньше, но отъ популярной философіи, не заходящей дальше того пункта, до котораго она ощупью можетъ добраться посредствомъ примѣровъ, къ метафизикѣ (которую не задерживаетъ уже больше ничто эмпирическое, и которая, имѣя своей задачей обнять всю область относящагося сюда разумнаго познанія, неизбѣжно доходитъ до идей, гдѣ насъ покидаютъ даже и примѣры), мы должны прослѣдить и ясно представить практическую способность разума, начиная съ ея общихъ опредѣляющихъ правилъ и кончая тѣмъ моментомъ, гдѣ изъ нея возникаетъ понятіе долга.

Каждая вещь въ природѣ дѣйствуетъ по законамъ. Только разумное существо имѣетъ *волю* или способность дѣйствовать по *представленію* законовъ, т.-е. по принципамъ. Такъ какъ для выведенія дѣйствій изъ законовъ требуется *разумъ*, то воля есть не что другое, какъ практическій разумъ. Если разумъ до конца и съ необходимостью опредѣляетъ волю, то дѣйствія такого существа, признаваемыя за объективно необходимыя, суть также и субъективно необходимы; т.-е. воля есть способность выбирать *только то*, что разумъ, независимо отъ склонности, признаетъ практически необходимымъ, т.-е. добрымъ. Если же разумъ самъ по себѣ недостаточно опредѣляетъ волю, если послѣдняя, кромѣ того, подчинена еще и субъективнымъ условіямъ (извѣстнымъ мотивамъ), которыя не всегда согласуются съ объективными, однимъ словомъ, если воля сама по себѣ не вполнѣ согласна съ разумомъ (какъ это дѣйствительно имѣетъ мѣсто у людей), то дѣйствія, объективно признаваемыя за необходимыя, субъективно случайны, и опредѣленіе такой воли согласно съ объективными законами есть *принужденіе*; т.-е., хотя отношеніе объективныхъ законовъ къ не вполнѣ доброй волѣ представляется какъ опредѣленіе воли разумнаго существа основаніями разума, но эта воля по своей природѣ подчиняется имъ не съ необходимостью.

Представленіе объективнаго принципа, поскольку онъ

принудителенъ для воли, носитъ названіе предписанія (разума), а формула предписанія называется **императивомъ.**

Всѣ императивы выражаются въ формѣ долженствованія и этимъ показываютъ отношеніе объективнаго закона разума къ такой волѣ, которая по своему субъективному свойству не опредѣляется ими съ необходимостью (принужденіе). Они говорятъ, что дѣлать нѣчто или не дѣлать этого—хорошо, но они говорятъ это такой волѣ, которая не всегда дѣлаетъ нѣчто въ силу представленія, что дѣлать это хорошо. Но практически добрымъ является то, что опредѣляетъ волю посредствомъ представленій разума, слѣдовательно, не изъ субъективныхъ причинъ, а объективно, т.-е. изъ основаній, которыя имѣютъ значеніе для всякаго разумнаго существа, какъ такового. Въ этомъ состоитъ отличіе практически добраго отъ пріятнаго; пріятнымъ мы называемъ то, что имѣетъ вліяніе на волю только посредствомъ ощущенія, изъ просто субъективныхъ причинъ, которыя имѣютъ значеніе только для того или иного изъ чувствъ даннаго человѣка, но не какъ принципъ разума, имѣющій значеніе для каждаго [1]).

Совершенно добрая воля, слѣдовательно, также подчинялась бы объективнымъ законамъ (добра), но на

---

[1]) Зависимость способности желанія отъ ощущеній называется склонностью и послѣдняя, слѣдовательно, всегда указываетъ на потребность. Зависимость же случайно опредѣляющейся воли отъ принциповъ разума называется интересомъ. Онъ имѣетъ мѣсто, слѣдовательно, только при зависимой волѣ, которая не всегда по самой своей природѣ согласна съ разумомъ; для божественной воли немыслимъ никакой интересъ. Но и человѣческая воля можетъ усматривать въ чемъ-нибудь интересъ и несмотря на это не дѣйствовать изъ интереса. Первое означаетъ практическій интересъ въ дѣйствіи, второе — патологическій интересъ къ предмету дѣйствія. Первое показываетъ только зависимость воли отъ принциповъ разума самихъ по себѣ, второе—зависимость отъ принциповъ его для цѣлей склонности, когда разумъ даетъ только практическое правило, какъ удовлетворить потребности склонности. Въ первомъ случаѣ меня интересуетъ дѣйствіе, во второмъ—предметъ дѣйствія (по скольку онъ мнѣ пріятенъ). Мы видѣли въ первомъ отдѣлѣ, что при дѣйствіи изъ долга долженъ приниматься во вниманіе не интересъ къ предмету, но только—къ самому дѣйствію и его принципу въ разумѣ (закону).

этомъ основаніи не слѣдовало бы представлять ее какъ принужденную къ согласнымъ съ долгомъ дѣйствіямъ, такъ какъ она сама по себѣ, по своему субъективному свойству, можетъ опредѣляться только представленіемъ добра. Поэтому для божественной и вообще для святой воли нѣтъ никакихъ императивовъ; долженствованіе здѣсь не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ воленіе уже само по себѣ необходимо совпадаетъ съ закономъ. Поэтому императивы суть только формулы для выраженія отношенія объективныхъ законовъ воленія вообще къ субъективному несовершенству воли того или другого разумнаго существа, напримѣръ, воли человѣка.

Всѣ императивы, далѣе, предписываютъ или гипотетически, или категорически. Первые представляютъ практическую необходимость возможнаго дѣйствія средствомъ къ чему-нибудь другому, чего желаютъ достигнуть (или что, во всякомъ случаѣ, можетъ быть предметомъ такого желанія). Категорическимъ императивомъ былъ бы такой, который представлялъ бы какое-нибудь дѣйствіе, какъ объективно необходимое, само по себѣ, безъ отношенія къ какой-либо цѣли.

Такъ какъ каждый практическій законъ представляетъ возможное дѣйствіе, какъ хорошее и поэтому какъ необходимое для субъекта, практически опредѣляющагося разумомъ, то всѣ императивы суть формулы опредѣленія дѣйствія, которое необходимо по принципу воли въ какомъ-либо отношеніи доброй. Если дѣйствіе хорошо только для чего-нибудь другого, какъ средство, то мы имѣемъ дѣло съ гипотетическимъ императивомъ; если оно представляется какъ хорошее само по себѣ, слѣдовательно, какъ необходимое для воли, которая сама по себѣ согласна съ разумомъ, какъ принципомъ ея, то императивъ—категорическій.

Императивъ говоритъ, такимъ образомъ, какое возможное съ моей стороны дѣйствіе было бы хорошимъ, и представляетъ практическое правило въ отношеніи къ такой волѣ, которая не совершаетъ еще непремѣнно дѣйствія просто потому, что оно хорошо, такъ какъ частью субъектъ не всегда знаетъ, что оно хорошо, частью же, если

бы онъ это и зналъ, его максимы все таки могли бы противорѣчить объективнымъ принципамъ практическаго разума.

Гипотетическій императивъ, слѣдовательно, говоритъ только, что дѣйствіе хорошо для какой нибудь возможной или дѣйствительной цѣли. Въ первомъ случаѣ онъ является **проблематически-практическимъ**, а во второмъ — **ассерторически-практическимъ** принципомъ. Категорическій императивъ, который представляетъ дѣйствіе безъ отношенія къ какому-нибудь намѣренію, т. е. и безъ какой нибудь другой цѣли, само по себѣ объективно необходимымъ, имѣетъ значеніе **аподиктически**-практическаго принципа.

То, что только выполнимо силами какого-нибудь разумнаго существа, мыслимо также какъ возможная цѣль для какой-нибудь воли, и поэтому принциповъ дѣйствія, поскольку послѣднее представляется необходимымъ для того, чтобы достигнуть какой-нибудь возможной цѣли, на самомъ дѣлѣ безконечно много. Всѣ науки имѣютъ какую-нибудь практическую часть, которая состоитъ изъ указаній, что какая нибудь цѣль для насъ возможна, и изъ императивовъ, научающихъ тому, какъ она можетъ быть достигнута. Послѣдніе поэтому вообще могутъ называться императивами **искусности** (Geschicklichkeit). Разумна ли или хороша цѣль,—объ этомъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ вопроса, но только о томъ, что необходимо дѣлать, чтобы ея достигнуть. Предписанія врачу, чтобы онъ могъ основательнымъ образомъ вылѣчить своего паціента, и составителю ядовъ, чтобы вѣрнѣе его убить, равноцѣнны постольку, поскольку каждое служитъ къ тому, чтобы привести къ полной реализаціи поставленной цѣли. Такъ какъ въ ранней молодости не знаютъ, какія цѣли могутъ встрѣтиться въ жизни, то родители прежде всего стараются научить своихъ дѣтей всему, чему только возможно, и заботятся объ искусности въ употребленіи средствъ ко всевозможнымъ цѣлямъ; при этомъ ни о какой изъ нихъ они не могутъ опредѣленно сказать, что она дѣйствительно не можетъ быть въ будущемъ цѣлью ихъ воспитанника, такъ какъ все таки возможно, что онъ когда нибудь за-

хочетъ ее выбрать. И эта забота такъ велика, что за нею они обыкновенно забываютъ помочь имъ выработать и провѣрить ихъ сужденіе относительно цѣнности тѣхъ предметовъ, которые они, можетъ быть, захотятъ поставить себѣ цѣлью.

Есть, впрочемъ, одна цѣль, наличность которой можно предполагать у всѣхъ разумныхъ существъ (поскольку къ нимъ, именно, какъ къ зависимымъ существамъ, примѣнимы императивы), слѣдовательно, такая цѣль, которую они не только могутъ имѣть, но о которой можно съ полной увѣренностью сказать, что всѣ они ее имѣютъ согласно природной необходимости; я имѣю въ виду цѣль достигнуть счастья. Гипотетическій императивъ, который представляетъ практическую необходимость дѣйствія средствомъ для способствованія счастью, принадлежитъ къ разряду **ассерторическихъ**. Его нельзя изображать просто какъ необходимый для какой-нибудь неизвѣстной, только возможной цѣли, но, напротивъ, онъ необходимъ для цѣли, которую можно съ увѣренностью a priori предположить у каждаго человѣка, такъ какъ она является принадлежностью его существа. Искусность въ выборѣ средствъ къ своему собственному величайшему благополучію можно назвать практичностью (Klugheit) [1]) въ самомъ узкомъ смыслѣ. Слѣдовательно, императивъ, имѣющій отношеніе къ выбору средствъ для достиженія собственнаго счастья, т. е. предписаніе практичности, остается все еще гипотетическимъ: дѣйствіе предписывается не безусловно, но только какъ средство къ другой цѣли.

Наконецъ, существуетъ императивъ, который, не по-

[1]) Слово практичность употребляется въ двоякомъ смыслѣ. Въ первомъ оно можетъ означать практичность въ отношеніяхъ съ людьми (Weltklugheit), во второмъ—личную практичность (Privatklugheit). Первая есть искусство человѣка оказывать вліяніе на другихъ съ намѣреніемъ употребить ихъ для своихъ цѣлей. Вторая состоитъ въ умѣньи объединить всѣ эти цѣли для собственной продолжительной выгоды. Послѣдняя есть собственно та, отъ которой зависитъ даже самая цѣнность первой; и кто практиченъ въ первомъ смыслѣ, но не во второмъ, о томъ можно было бы скорѣе сказать: онъ ловокъ и хитеръ, но въ общемъ все таки не практиченъ.

лагая въ основу, какъ условіе, какую нибудь другую цѣль, достижимую извѣстнымъ поведеніемъ, непосредственно предписываетъ это поведеніе. Этотъ императивъ—**категорическій**. Онъ касается не содержанія дѣйствія и не того, что изъ него должно послѣдовать, но формы и принципа, изъ котораго оно само слѣдуетъ; существенно-хорошимъ въ этомъ дѣйствіи будетъ настроеніе, послѣдствія же могутъ быть какія угодно. Этотъ императивъ можетъ быть названъ императивомъ **нравственности** (der Sittlichkeit).

Воленіе, согласное съ этими принципами трехъ родовъ, можно легко различить также по неравенству принужденія воли. Для того, чтобы сдѣлать замѣтнымъ и это различіе, я думаю, было бы лучше всего размѣстить эти принципы по порядку со слѣдующими названіями: мы будемъ называть ихъ или правилами искусности, или совѣтами практичности, или предписаніями (законами) нравственности. Вѣдь только съ закономъ связано понятіе безусловной и притомъ объективной, слѣдовательно, общеобязательной необходимости, и предписанія суть законы, которымъ должно повиноваться, т. е. слѣдовать даже и вопреки склонности. Подача совѣта, правда, содержитъ необходимость, но она можетъ имѣть значеніе только подъ субъективнымъ условіемъ, причисляетъ ли данный человѣкъ то или другое къ своему счастью; напротивъ того, категорическій императивъ не ограниченъ никакимъ условіемъ, и, какъ абсолютно, хотя и практически-необходимый, подлинно можетъ быть названъ предписаніемъ. Можно было бы также назвать первые императивы техническими (относящимися къ искусству), вторые—прагматическими [1]) (относящимися къ

---

[1]) Мнѣ кажется, настоящее значеніе слова прагматическій могло бы быть опредѣлено такъ точнѣе всего. Вѣдь прагматическими называются санкціи, которыя вытекаютъ собственно не какъ необходимые законы изъ права государствъ, но изъ попеченія о всеобщемъ благосостояніи. Исторія также получаетъ характеръ прагматической, если она способствуетъ практичности, т. е. научаетъ людей, какъ они могутъ позаботиться о своихъ выгодахъ лучше или, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ ихъ предки.

благосостоянію), третьи—моральными (относящимися къ свободному поведенію вообще, т. е. къ нравамъ).

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ возможны всѣ эти императивы? Смыслъ этого вопроса состоитъ не въ томъ, чтобы знать, какъ возможно исполненіе дѣйствія, которое предписывается императивомъ, но только, какъ можетъ быть мыслимо принужденіе воли, которое императивъ выражаетъ въ качествѣ задачи. Какъ возможенъ императивъ искусности, это, конечно, не нуждается въ особомъ изслѣдованіи. Кто хочетъ цѣли, тотъ хочетъ (поскольку разумъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на его дѣйствія) также и неизбѣжно необходимаго для нея средства, которое находится въ его власти. Это положеніе является аналитическимъ, поскольку дѣло идетъ о воленіи, такъ какъ въ воленіи объекта, какъ результата моего дѣйствія, уже мыслится заключающаяся во мнѣ, какъ дѣятельномъ факторѣ, причинность, т.-е. употребленіе средствъ, и императивъ выводитъ понятіе необходимыхъ дѣйствій для этой цѣли уже изъ понятія воленія этой цѣли (опредѣлить самыя средства для этой цѣли — для этого требуются, конечно, синтетическія положенія; однако они не касаются основанія самаго акта воли, но относятся къ основанію осуществленія объекта). Что мнѣ слѣдуетъ провести изъ концовъ прямой линіи двѣ дуги для того, чтобы раздѣлить ее по твердо установленному принципу на двѣ равныя части, этому математика учитъ, конечно, только синтетическими положеніями; но если я знаю, что только путемъ такого дѣйствія можетъ быть достигнутъ задуманный результатъ и поэтому, желая результата, желаю и дѣйствія, которое для этого требуется, это—аналитическое положеніе; такъ какъ представлять нѣчто, какъ результатъ возможный извѣстнымъ образомъ благодаря мнѣ, и меня, дѣйствующимъ въ разсчетѣ на него какъ разъ такимъ образомъ, совершенно одно и то же.

Императивы практичности совершенно совпадали бы съ императивами искусности и были бы точно такъ же аналитическими, если бы только такъ легко было дать опредѣленное понятіе о счастьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда совершенно такъ же можно было бы сказать здѣсь, какъ

и тамъ: кто хочетъ цѣли, хочетъ также (съ разумной необходимостью) и всѣхъ тѣхъ средствъ къ ней, которыя въ его власти. Однако, къ сожалѣнію, понятіе счастья до такой степени неопредѣленно, что, хотя каждый человѣкъ желаетъ его достигнуть, тѣмъ не менѣе онъ никогда не можетъ опредѣленно и въ полномъ согласіи съ самимъ собой сказать, чего онъ собственно желаетъ и хочетъ. Причина этого въ томъ, что всѣ элементы, принадлежащіе понятію счастья, суть эмпирическіе элементы, т.-е. должны быть взяты изъ опыта, и тѣмъ не менѣе для идеи счастья требуется абсолютное цѣлое, максимумъ благополучія въ моемъ настоящемъ и каждомъ послѣдующемъ состояніи. Вотъ теперь и невозможно, чтобы въ высшей степени проницательное, и въ то же время всесторонне способное, но тѣмъ не менѣе конечное существо составило себѣ опредѣленное понятіе о томъ, чего оно собственно въ этомъ случаѣ хочетъ. Захочетъ ли человѣкъ богатства,—какъ много заботъ, зависти и преслѣдованія могъ бы онъ благодаря ему навязать себѣ на шею! Захочетъ онъ большихъ познаній и проникновенія,—можетъ быть, это создастъ для него только бо́льшую остроту зрѣнія и покажетъ ему въ тѣмъ болѣе ужасномъ видѣ несчастья, которыя пока еще отъ него скрыты и тѣмъ не менѣе не могутъ быть устранены, или навяжетъ еще больше потребностей его страстямъ, которыя и безъ того причиняютъ ему достаточно безпокойства. Онъ желаетъ себѣ долгой жизни,—но кто можетъ ему поручиться за то, что она не будетъ лишь долгимъ страданіемъ? Хочетъ онъ, по крайней мѣрѣ, здоровья,—но какъ часто слабость тѣла удерживала его отъ распутства, въ которое его могло бы повергнуть безграничное здоровье, и т. д. Коротко говоря, онъ не въ состояніи по какому-нибудь принципу опредѣлить съ полной достовѣрностью, что сдѣлаетъ его истинно счастливымъ, такъ какъ для этого потребовалось бы всевѣдѣніе. Такимъ образомъ, для того, чтобы быть счастливымъ, нельзя дѣйствовать по опредѣленнымъ принципамъ, но по эмпирическимъ рецептамъ, напримѣръ — діеты, бережливости, вѣжливости, сдержанности и т. д., о которыхъ опытъ учитъ, что они болѣе всего способствуютъ общему благосостоя-

нію. Отсюда слѣдуетъ, что императивы практичности, говоря точно, совсѣмъ не могутъ предписывать, т.-е. объективно представлять дѣйствіе практически—необходимымъ, что ихъ можно считать скорѣе совѣтами (consilia), чѣмъ предписаніями (praecepta) разума, что задача опредѣлить навѣрное и въ общемъ видѣ, какое дѣйствіе могло бы способствовать счастью разумнаго существа, совершенно не разрѣшима. Слѣдовательно, относительно счастья невозможенъ никакой императивъ, который въ строжайшемъ смыслѣ слова предписывалъ бы совершать то, что дѣлаетъ счастливымъ, потому что счастье есть идеалъ не разума, но воображенія. Этотъ идеалъ покоится только на эмпирическихъ основаніяхъ, отъ которыхъ напрасно ожидаютъ, что они должны опредѣлить дѣйствіе, посредствомъ котораго была бы достигнута совокупность на самомъ дѣлѣ безконечнаго ряда послѣдствій. Этотъ императивъ практичности былъ бы аналитически-практическимъ положеніемъ, если допустить, что средства къ счастью могутъ быть съ увѣренностью указаны. Вѣдь онъ лишь тѣмъ и отличается отъ императива искусности, что его цѣль только возможна, тогда какъ у второго она дана; но такъ какъ оба предписываютъ только средства къ тому, что предполагается, какъ желаемая цѣль, то императивъ, предписывающій хотѣніе средствъ тому, кто хочетъ цѣли, въ обоихъ случаяхъ является аналитическимъ. Такимъ образомъ, вопросъ о возможности такого императива также не представляетъ никакихъ затрудненій.

Напротивъ того, вопросъ о томъ, какъ возможенъ императивъ нравственности, есть, безъ сомнѣнія, единственный, нуждающійся въ разрѣшеніи, такъ какъ этотъ императивъ никакъ не можетъ быть названъ гипотетическимъ и, слѣдовательно, объективно представляемая необходимость не можетъ опереться ни на какое предположеніе, какъ при гипотетическихъ императивахъ. Не слѣдуетъ только при этомъ упускать изъ виду, что на примѣрахъ, т.-е. эмпирическимъ путемъ, нельзя установить, существуютъ ли вообще какіе-нибудь подобные императивы, но нужно еще считаться съ возможностью, не окажутся ли на самомъ дѣлѣ въ скрытомъ видѣ гипотетиче-

скими всѣ тѣ императивы, которые имѣютъ видъ категорическихъ. Напримѣръ, ставится требованіе: „ты не долженъ давать никакихъ лживыхъ обѣщаній“; при этомъ подразумѣвается, что необходимость воздержанія отъ такихъ дѣйствій не есть простой совѣтъ для избѣжанія какого-нибудь другого зла, какъ это было бы въ томъ случаѣ, если-бъ стояло: „ты не долженъ давать лживаго обѣщанія, чтобы не лишиться кредита, если это откроется“, но что дѣйствіе должно разсматриваться какъ злое само по себѣ, и императивъ запрета, слѣдовательно, является категорическимъ. И все-таки ни на какомъ примѣрѣ нельзя съ увѣренностью показать, что воля опредѣлилась здѣсь безъ какихъ-нибудь постороннихъ мотивовъ только закономъ, хотя бы это такъ и казалось, такъ какъ всегда возможно, что втайнѣ на волю оказалъ вліяніе страхъ стыда, можетъ быть, также смутная боязнь другихъ опасностей. Кто можетъ доказать отсутствіе причины при помощи опыта, когда послѣдній учитъ насъ только тому, что мы ее не воспринимаемъ? Но въ такомъ случаѣ такъ называемый моральный императивъ, который, какъ таковой, является категорическимъ и безусловнымъ, на самомъ дѣлѣ былъ бы только прагматическимъ предписаніемъ, которое обращаетъ наше вниманіе на нашу выгоду и учитъ насъ просто только принимать ее въ разсчетъ.

Такимъ образомъ, намъ придется изслѣдовать возможность категорическаго императива всецѣло a priori. Если бы дѣйствительность этого императива была дана намъ въ опытѣ, то категорія возможности была бы намъ нужна не для установленія его, но только для объясненія; къ сожалѣнію, въ такомъ выгодномъ положеніи, мы не находимся. Тѣмъ не менѣе пока ясно слѣдующее: что только одинъ категорическій императивъ гласитъ какъ практическій **законъ,** всѣ же остальные, хотя могутъ быть названы принципами воли, но никакъ не законами; ибо то, что необходимо сдѣлать для достиженія той или иной цѣли, само по себѣ можетъ разсматриваться какъ случайное, и мы въ каждый данный моментъ можемъ быть свободными отъ предписанія, если только откажемся отъ этой цѣли; напротивъ, безусловное предписаніе не оста-

вляетъ волѣ никакого свободнаго усмотрѣнія относительно противоположнаго рѣшенія, и, слѣдовательно, одно оно и ведетъ за собой ту необходимость, которой мы требуемъ отъ закона.

Во-вторыхъ, у этого категорическаго императива или закона нравственности основаніе трудности (убѣдиться въ его возможности) также очень велико. Онъ является синтетически-практическимъ положеніемъ [1]) a priori, и, такъ какъ понять возможность положеній такого рода преставляетъ такъ много затрудненій въ теоретическомъ познаніи, то легко догадаться, что и въ практическомъ ихъ будетъ не меньше.

Поставивъ эту задачу, мы сперва сдѣлаемъ опытъ, не дастъ ли, быть можетъ, простое понятіе категорическаго императива также и его формулу, содержащую въ себѣ положеніе, которое одно только и способно быть категорическимъ императивомъ; разрѣшеніе же вопроса о возможности такого абсолютнаго предписанія, хотя бы мы и знали, какъ оно гласитъ, потребуетъ еще особенныхъ и тяжелыхъ усилій, но мы откладываемъ ихъ до послѣдняго отдѣла.

Если я мыслю гипотетическій императивъ, то я не знаю заранѣе, что онъ будетъ содержать, пока мнѣ не дано его условіе, но если я помыслю категорическій императивъ, то я тотчасъ же знаю, что онъ въ себѣ содержитъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ императивъ, кромѣ закона, содержитъ только необходимость максимы [2]) по-

---

[1]) Не предполагая условія изъ какой-нибудь склонности, я связываю съ волей дѣйствіе a priori, слѣдовательно, необходимо (хотя только объективно, т.-е. подъ господствомъ идеи разума, который имѣлъ бы полную власть надъ всѣми субъективными побудительными причинами). Такимъ образомъ, это есть практическое положеніе, которое не выводитъ воленіе дѣйствія аналитически изъ другого уже предположеннаго воленія (такъ какъ мы не обладаемъ такой совершенной волей), но которое связываетъ его непосредственно съ понятіемъ воли разумнаго существа, какъ нѣчто, что въ немъ не содержится.

[2]) Максима есть субъективный принципъ дѣйствованія и ее должно отличать отъ объективнаго принципа, именно, отъ практическаго закона. Максима содержитъ практическое правило, которое разумъ установляетъ согласно съ условіями субъекта (чаще

ступать согласно съ этимъ закономъ, законъ же не содержитъ никакого условія, которымъ онъ былъ бы ограниченъ, то не останется ничего, кромѣ всеобщности закона вообще; съ нимъ должна быть согласована максима дѣйствія и, собственно, только одну эту согласованность императивъ и представляетъ необходимой.

Такимъ образомъ, существуетъ только одинъ категорическій императивъ и притомъ слѣдующаго содержанія: дѣйствуй только по такой максимѣ, руководясь которой ты въ то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщимъ закономъ.

Если теперь всѣ императивы долга могутъ быть выведены изъ этого единственнаго, какъ изъ ихъ принципа, то мы, хотя и оставляемъ нерѣшеннымъ вопросъ, не является ли вообще то, что называютъ долгомъ, пустымъ понятіемъ, все-таки можемъ, по крайней мѣрѣ, показать, что́ мы мыслимъ въ этомъ понятіи и что́ мы имъ хотимъ выразить.

Такъ какъ всеобщность закона, по которому происходятъ дѣйствія, составляетъ то, что собственно называется природой въ самомъ общемъ смыслѣ (по формѣ), т. е. бытіемъ вещей, поскольку оно опредѣлено всеобщими законами, то всеобщій императивъ долга могъ бы гласить также и сдѣдующимъ образомъ: дѣйствуй такъ, какъ будто бы максима твоего дѣйствія по твоей волѣ должна сдѣлаться **всеобщимъ закономъ природы.**

Теперь перечислимъ нѣкоторыя обязанности, по обычному ихъ раздѣленію на обязанности по отношенію къ намъ самимъ и къ другимъ людямъ, на совершенныя и несовершенныя обязанности [1]).

всего съ его невѣдѣніемъ или также его склонностями) и, слѣдовательно, является принципомъ, по которому субъектъ дѣйствуетъ; законъ же есть объективный принципъ, имѣющій значеніе для каждаго разумнаго существа, и является принципомъ, по которому оно должно дѣйствовать, т.-е. императивомъ.

[1]) Здѣсь необходимо замѣтить, что раздѣленіе обязанностей полностью я оставляю до будущей метафизики нравовъ; а потому раздѣленіе, приведенное въ текстѣ, взято только на удачу (для того, чтобы привести въ порядокъ мои примѣры). Скажу только, что я по-

1. Кто-нибудь, кто, благодаря ряду несчастій, выросшему до безнадежнаго положенія, ощущаетъ пресыщеніе жизнью, еще владѣетъ своимъ разумомъ настолько, чтобы спросить себя, не будетъ ли, можетъ быть, противно долгу относительно самого себя лишать себя жизни. Въ такомъ случаѣ онъ и пробуетъ: можетъ ли, дѣйствительно, максима его дѣйствія стать всеобщимъ закономъ природы. Но его максима гласитъ: изъ эгоизма я ставлю себѣ принципомъ сократить свою жизнь, если она при болѣе продолжительномъ срокѣ больше грозитъ мнѣ несчастьями, чѣмъ обѣщаетъ пріятныхъ ощущеній. Спрашивается только еще, можетъ ли этотъ принципъ эгоизма стать всеобщимъ закономъ природы. Но скоро мы видимъ, что природа, если бы ея закономъ было уничтожать жизнь посредствомъ того же ощущенія, назначеніе котораго—побуждать къ поддержанію жизни, противорѣчила бы самой себѣ и, слѣдовательно, не могла бы существовать, какъ природа; поэтому та максима не можетъ имѣть мѣста въ качествѣ всеобщаго закона природы и, слѣдовательно, совершенно противорѣчитъ высшему принципу всякаго долга.

2. Другого нужда заставляетъ брать деньги взаймы. Онъ хорошо знаетъ, что не будетъ въ состояніи ихъ уплатить, но видитъ также, что ничего не получитъ взаймы, если твердо не обѣщаетъ уплатить къ опредѣленному сроку. У него большое желаніе дать такое обѣщаніе; но у него хватаетъ совѣсти настолько, чтобы поставить себѣ вопросъ: не противорѣчитъ ли долгу и позволительно ли выручать себя изъ нужды такимъ способомъ? Положимъ, онъ все-таки рѣшился бы на это; тогда максима его дѣйствія гласила бы: находясь въ денежной нуждѣ, я буду занимать деньги и обѣщать ихъ уплатить, хотя бы я и зналъ, что это никогда не случится. Очень можетъ быть, что этотъ принципъ эгоизма или собственной выгоды

нимаю подъ совершенной обязанностью ту, которая не допускаетъ никакого исключенія въ пользу склонности и, такимъ образомъ, я получаю не только внѣшнія, но также и внутреннія совершенныя обязанности; это противорѣчитъ принятому въ школахъ словоупотребленію, но я не намѣренъ здѣсь оправдывать свое, такъ какъ для моей цѣли безразлично, согласятся со мной или нѣтъ.

легко согласовать со всѣмъ моимъ будущимъ благополучіемъ: однако сейчасъ возникаетъ вопросъ: правильно ли это? Я превращаю, слѣдовательно, эгоистическое побужденіе во всеобщій законъ и ставлю вопросъ такъ: какъ бы обстояло дѣло въ томъ случаѣ, если бы моя максима была всеобщимъ закономъ? Тутъ я сейчасъ же вижу, что она никогда не можетъ имѣть значенія всеобщаго закона природы и быть въ согласіи съ самой собой, но что она необходимо должна себѣ противорѣчить. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщность закона, который бы состоялъ въ томъ, что каждый, считая себя нуждающимся, можетъ обѣщать, что ему придетъ въ голову, съ намѣреніемъ не сдержать обѣщанія, сдѣлала бы просто невозможнымъ и это обѣщаніе, и цѣль, которой путемъ его хотятъ достигнуть; вѣдь никто не сталъ бы вѣрить, будто ему что-то обѣщано, а смѣялся бы надъ всѣми подобными изъявленіями, какъ надъ пустой видимостью.

3. Третій находитъ въ себѣ талантъ, который при нѣкоторой культурѣ могъ бы сдѣлать изъ него въ разныхъ отношеніяхъ полезнаго человѣка. Но этотъ человѣкъ находится въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и предпочитаетъ лучше отдаться удовольствіямъ, чѣмъ трудиться надъ расширеніемъ и совершенствованіемъ своихъ счастливыхъ природныхъ задатковъ. Однако онъ еще спрашиваетъ: согласуется ли его максима пренебрежительнаго отношенія къ его природнымъ дарамъ, помимо того, что она согласна съ его наклонностью къ увеселеніямъ, также и съ тѣмъ, что называютъ долгомъ? И тогда онъ видитъ, что, хотя природа все-таки еще могла бы существовать по такому всеобщему закону, даже если бы человѣкъ (подобно жителю Тихаго океана) оставилъ ржавѣть свой талантъ и рѣшилъ бы употребить свою жизнь только на увеселенія, праздность, размноженіе, однимъ словомъ, на наслажденіе; однако онъ не можетъ **хотѣть**, чтобы это стало всеобщимъ закономъ природы или чтобы, какъ таковое, было заложено въ насъ въ качествѣ природнаго инстинкта. Какъ разумное существо, вѣдь онъ необходимо хочетъ, чтобы въ немъ развивались всѣ способности, такъ какъ онѣ служатъ и даны ему для всевозможныхъ цѣлей.

Наконецъ, четвертый, въ то время, какъ онъ видитъ, что другимъ приходится бороться съ большими бѣдствіями (которымъ онъ имѣлъ бы полную возможность помочь), самому же ему хорошо живется, думаетъ: какое мнѣ до всего этого дѣло? пусть себѣ каждый будетъ такъ счастливъ, какъ того хочетъ небо или какъ это онъ самъ себѣ можетъ устроить; отнимать у него я ничего не буду, даже никогда ему не позавидую; но и прибавлять что-нибудь къ его благосостоянію или помогать ему въ нуждѣ у меня нѣтъ никакой охоты! Конечно, если бы такой образъ мыслей былъ всеобщимъ закономъ природы, человѣческій родъ могъ бы очень благополучно существовать, и, безъ сомнѣнія, еще лучше, чѣмъ когда каждый болтаетъ объ участіи, о благожелательномъ отношеніи, и при случаѣ даже старается проявить что-либо подобное, но вмѣстѣ съ тѣмъ также, гдѣ только можетъ, обманываетъ, продаетъ права человѣка или вредитъ ему какимъ-нибудь инымъ способомъ. Но хотя и возможно, что по такой максимѣ могъ бы существовать всеобщій законъ природы, тѣмъ не менѣе все-таки невозможно **хотѣть,** чтобы такой принципъ имѣлъ всеобщее значеніе закона природы. Вѣдь воля, которая пришла бы къ такому заключенію, противорѣчила бы самой себѣ, такъ какъ все же иногда могутъ быть такіе случаи, когда человѣкъ нуждается въ любви и участіи другихъ, между тѣмъ такимъ закономъ природы, проистекшимъ изъ его собственной воли, онъ отнялъ бы у себя самого всякую надежду на помощь, которой онъ себѣ желаетъ.

Это все только нѣкоторыя изъ многихъ дѣйствительныхъ или, по меньшей мѣрѣ, принимаемыхъ нами за таковыя обязанностей; выведеніе ихъ изъ единаго выше приведеннаго принципа совершенно ясно и наглядно. Канонъ моральнаго обсужденія дѣйствія вообще состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ могъ хотѣть, чтобы максима его дѣйствія стала всеобщимъ закономъ. Съ нѣкоторыми дѣйствіями дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что ихъ максима безъ противорѣчія никогда не можетъ быть даже помышлена, какъ всеобщій законъ природы; тѣмъ менѣе возможно хотѣть, чтобы она должна была стать тако-

вымъ. Въ другихъ дѣйствіяхъ, хотя и не встрѣчается такая внутренняя невозможность, но тѣмъ не менѣе невозможно хотѣть, чтобы ихъ максима возвышалась до всеобщности закона природы, такъ какъ такая воля противорѣчила бы самой себѣ. Легко замѣтить, что первая максима противорѣчитъ строгому или болѣе узкому (неумолимому) долгу, вторая же только болѣе широкому (поставляемому въ заслугу) долгу; такимъ образомъ, всѣ виды долга, что касается степени ихъ обязательности (не объекта ихъ дѣйствія), представлены приведенными примѣрами въ ихъ зависимости отъ единаго принципа, во всей полнотѣ.

Если при каждомъ нарушеніи долга мы будемъ обращать вниманіе на самихъ себя, то мы убѣдимся, что мы дѣйствительно не хотимъ, чтобы наша максима должна была стать всеобщимъ закономъ, такъ какъ это для насъ невозможно; наоборотъ, скорѣе противоположность ея должна остаться всеобщимъ закономъ; мы же только позволяемъ себѣ для насъ (или даже только на этотъ разъ) сдѣлать изъ этого закона исключеніе въ пользу нашей склонности. Слѣдовательно, если бы мы взвѣшивали все съ одной и той же точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія разума, то мы открыли бы въ нашей собственной волѣ противорѣчіе, состоящее въ томъ, что извѣстный принципъ объективно необходимъ, какъ всеобщій законъ, и, тѣмъ не менѣе, субъективно не имѣетъ всеобщей значимости, но допускаетъ исключенія. Но такъ какъ мы разсматриваемъ наше дѣйствіе одинъ разъ съ точки зрѣнія воли совершенно согласной съ разумомъ, въ другой же разъ то же самое дѣйствіе съ точки зрѣнія воли, аффицированной склонностью, то здѣсь въ дѣйствительности нѣтъ никакого противорѣчія, но зато имѣется противодѣйствіе склонности предписанію разума (antagonismus); вслѣдствіе этого, всеобщность принципа (universalitas) превращается въ простую общепринятость (generalitas), благодаря чему практическій принципъ разума и максима должны столкнуться на полпути. Хотя это и не можетъ быть оправдано нашимъ собственнымъ безпристрастно построеннымъ сужденіемъ, но это все таки доказываетъ, что мы

дѣйствительно признаемъ обязательность категорическаго императива и (со всѣмъ уваженіемъ къ нему) позволяемъ себѣ только нѣкоторыя, какъ намъ кажется, незначительныя и вынужденныя исключенія.

До сихъ поръ мы, слѣдовательно, показали по меньшей мѣрѣ, что, если долгъ есть понятіе, которое должно имѣть значеніе и содержать дѣйствительное законодательство для нашихъ дѣйствій, послѣднее можетъ быть выражено только въ категорическихъ императивахъ, но никоимъ образомъ не въ гипотетическихъ; равнымъ образомъ мы представили ясно и опредѣленно для всякаго употребленія, что́ уже очень много, содержаніе категорическаго императива, который долженъ былъ бы заключать въ себѣ принципъ всякаго долга (если бы вообще таковой существовалъ). Однако мы еще не настолько подвинулись, чтобы доказать a priori, что подобный императивъ дѣйствительно существуетъ, что есть практическій законъ, который повелѣваетъ самъ по себѣ безусловно и безъ всякихъ мотивовъ, и что слѣдованіе такому закону есть долгъ.

При желаніи достигнуть этого, крайне важно оберегать себя отъ того, чтобы даже не приходило въ голову стремиться выводить реальность этого принципа изъ особенныхъ свойствъ человѣческой природы. Вѣдь подъ долгомъ разумѣется практически безусловная необходимость дѣйствія; онъ, слѣдовательно, долженъ имѣть значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ (которыхъ только вообще можетъ касаться императивъ) и только поэтому долженъ быть закономъ также и для всякой человѣческой воли. Что́, напротивъ того, выводится изъ особенныхъ природныхъ задатковъ человѣчества, что́ выводится изъ извѣстныхъ чувствованій и влеченій, и даже, гдѣ возможно, изъ особеннаго направленія, которое было бы свойственно человѣческому разуму и не должно было бы необходимо имѣть значеніе для воли каждаго разумнаго существа, то, правда, можетъ составить для насъ максиму, но не законъ, субъективный принципъ, дѣйствовать по которому намъ позволяетъ влеченіе и склонность, но не объективный, по которому намъ было бы указано дѣй-

ствовать, хотя бы всѣ наши влеченія, склонности и природная организація были противъ этого; и даже возвышенность и внутреннее достоинство заповѣди долга тѣмъ болѣе раскрывается, чѣмъ менѣе субъективныя причины говорятъ за эту заповѣдь, чѣмъ болѣе онѣ противъ нея, однако ничуть не ослабляя этимъ принужденія, исходящаго отъ закона и не отнимая чего-нибудь отъ его обязательности.

Тутъ мы видимъ философію, въ самомъ дѣлѣ, поставленной въ опасное положеніе, такъ какъ ея точка зрѣнія должна быть твердой, не смотря на то, что ни въ небѣ, ни на землѣ она ни за что не зацѣпляется и ни на что не опирается. Здѣсь она должна показать свою чистоту, какъ заключающая сама въ себѣ свои законы, а не какъ возвѣстительница тѣхъ, которые ей нашептываетъ врожденное чувство или какая то попечительная природа и которые всѣ въ совокупности, хотя они и лучше, чѣмъ совсѣмъ ничего, тѣмъ не менѣе никогда не могутъ служить намъ такими принципами, какіе диктуетъ разумъ и какіе должны имѣть непремѣнно вполнѣ a priori свой источникъ и въ то же время свой повелительный характеръ: не ждать ничего отъ склонности человѣка, но все только отъ высшей власти закона и должнаго уваженія къ нему, или въ противномъ случаѣ осудить человѣка на презрѣніе и внутреннее отвращеніе къ самому себѣ.

Такимъ образомъ, все эмпирическое не только совершенно непригодно къ тому, чтобы прибавить что-нибудь къ принципу нравственности, но даже въ высшей степени вредно для чистоты нравовъ; вѣдь въ нихъ подлинная и неизмѣримо высокая цѣнность безусловно доброй воли какъ разъ въ томъ и состоитъ, что принципъ дѣйствія свободенъ отъ всѣхъ вліяній случайныхъ причинъ, которыя могутъ быть даны только опытомъ. Нечего опасаться превысить мѣру въ предостереженіяхъ противъ этой небрежности или даже низкаго образа мыслей, приводящихъ къ отысканію принципа между эмпирическими побудительными причинами и законами; вѣдь человѣческій разумъ въ своемъ изнеможеніи охотно отдыхаетъ на этомъ мягкомъ ложѣ и въ сладкихъ обманчивыхъ грезахъ (кото-

рыя заставляютъ его однако вмѣсто Юноны обнимать облако) подсовываетъ нравственности ублюдка, собраннаго изъ членовъ совершенно разнаго происхожденія, который похожъ на все, что только въ немъ хотятъ видѣть, но только не на добродѣтель для того, кто хоть разъ видѣлъ ее въ ея истинномъ образѣ [1]).

Итакъ, вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: есть ли это не обходимый законъ для всѣхъ разумныхъ существъ обсуждать всегда свои дѣйствія по такимъ максимамъ, относительно которыхъ они сами могутъ хотѣть, чтобы онѣ служили всеобщими законами? Если это положеніе является такимъ закономъ, то оно должно быть связано (вполнѣ a priori) уже съ понятіемъ воли разумнаго существа вообще. Но для того, чтобы открыть эту связь, нужно, какъ бы этому не сопротивлялись, выйти за поставленные нами предѣлы и обратиться къ метафизикѣ, впрочемъ, къ той ея области, которая отлична отъ области спекулятивной философіи, именно, къ метафизикѣ нравовъ. Въ практической философіи, гдѣ мы не ставимъ себѣ задачей выяснять основанія того, что происходитъ, но гдѣ мы заботимся о выясненіи законовъ того, что должно происходить, хотя бы никогда и не происходило, т.-е. о выясненіи объективно-практическихъ законовъ, въ этой области намъ нѣтъ нужды предпринимать изслѣдованіе объ основаніяхъ, почему что-нибудь нравится или не нравится, какъ отличается удовольствіе простого ощущенія отъ вкуса и отличается ли послѣдній отъ общаго довольства разума, на что опирается чувство пріятнаго и непріятнаго, и какъ возникаютъ отсюда желанія и склонности, а изъ нихъ при содѣйствіи разума, максимы; это все относится къ эмпирическому ученію о душѣ, которое составило бы вторую часть ученія о природѣ, если разсма-

---

[1]) Увидѣть добродѣтель въ ея настоящемъ образѣ есть не что другое, какъ представить нравственность освобожденной отъ всякой примѣси чувственнаго и всякаго поддѣльнаго украшенія награды или эгоизма. Съ какой силой затемняетъ она тогда все прочее, что склонностямъ представляется привлекательнымъ, въ этомъ каждый можетъ легко убѣдиться при помощи малѣйшаго усилія своего не совсѣмъ еще приведеннаго въ негодность для всякой абстракціи разума.

тривать его какъ философію природы, поскольку она основана на эмпирическихъ законахъ Здѣсь же рѣчь идетъ объ объективно-практическомъ законѣ, слѣдовательно, объ отношеніи воли къ самой себѣ, поскольку она опредѣляется только разумомъ, такъ какъ все, что имѣетъ отношеніе къ эмпирическому отпадаетъ само собой; ибо, если разумъ опредѣляетъ поведеніе только самъ по себѣ (возможность чего мы какъ разъ сейчасъ будемъ изслѣдовать), то онъ долженъ дѣлать это необходимо a priori.

Воля мыслится, какъ способность опредѣлять саму себя къ дѣйствованію согласно съ представленіемъ извѣстныхъ законовъ. И такая способность можетъ быть найдена только въ разумныхъ существахъ. То, что служитъ волѣ объективнымъ основаніемъ ея самоопредѣленія, есть цѣль, а послѣдняя, если она дается только разумомъ, должна имѣть значеніе равно для всѣхъ разумныхъ существъ. Что, напротивъ, содержитъ только основаніе возможности дѣйствія, результатъ котораго есть цѣль, называется средствомъ. Субъективное основаніе желанія есть мотивъ (Triebfeder), объективное основаніе воленія—побудительная причина (Bewegungsgrund); отсюда различіе между субъективными цѣлями, которыя покоятся на мотивахъ, и объективными, которыя восходятъ къ побудительнымъ причинамъ, имѣющимъ значеніе для каждаго разумнаго существа. Практическіе принципы формальны, если они отвлекаются отъ всѣхъ субъективныхъ цѣлей; они матеріальны, если кладутъ въ основу эти субъективныя цѣли, т.-е. извѣстные мотивы. Всѣ тѣ цѣли, которыя разумное существо ставитъ себѣ по своему усмотрѣнію, какъ результаты своего дѣйствія (матеріальныя цѣли), только относительны; такъ какъ просто только ихъ отношеніе къ особенно устроенной способности желанія субъекта придаетъ имъ цѣнность, которая поэтому не можетъ дать никакихъ всеобщихъ принциповъ, имѣющихъ значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ, обязательныхъ и необходимыхъ для всякаго воленія, т.-е. практическихъ законовъ. Поэтому всѣ эти относительныя

цѣли являются основаніемъ только гипотетическихъ императивовъ.

Но, положимъ, что существуетъ нѣчто, чье бытіе само по себѣ имѣетъ абсолютную цѣнность, что, какъ цѣль сама въ себѣ, могло бы быть основаніемъ опредѣленныхъ законовъ; тогда въ этой цѣли, и только въ ней одной могло бы заключаться основаніе возможнаго категорическаго императива, т.-е. практическаго закона.

Теперь я утверждаю: человѣкъ и вообще всякое разумное существо, существуетъ какъ цѣль сама по себѣ, а не только какъ средство для любого употребленія со стороны той или другой воли; во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на самого себя, такъ и на другихъ разумныхъ существъ, онъ долженъ разсматриваться всегда въ то же время и какъ цѣль. Всѣ предметы склонности имѣютъ только условную цѣнность, такъ какъ, если бы не было склонностей и основанныхъ на нихъ потребностей, то и предметъ ихъ не имѣлъ бы цѣны. Сами же склонности, какъ источники потребностей, имѣютъ настолько мало абсолютной цѣнности, въ силу которой ихъ можно было бы желать самихъ по себѣ, что, скорѣе, быть совершенно свободнымъ отъ нихъ—вотъ всеобщее желаніе, какое должно имѣть каждое разумное существо. Такимъ образомъ, цѣнность всѣхъ достижимыхъ посредствомъ нашего дѣйствія предметовъ всегда условна. Существа, бытіе которыхъ хотя зависитъ и не отъ нашей воли, но отъ природы, имѣютъ тѣмъ не менѣе, если они не надѣлены разумомъ, только относительную цѣнность, какъ средства, и называются поэтому вещами, тогда какъ разумныя существа называются лицами, такъ какъ ихъ природа уже отмѣчаетъ ихъ въ качествѣ цѣлей самихъ въ себѣ, т.-е. какъ нѣчто, что не слѣдуетъ употреблять только какъ средство, слѣдовательно, постольку ограничиваетъ всякій произволъ (и является предметомъ уваженія). Они, значитъ, суть не только субъективныя цѣли, бытіе которыхъ, какъ результатъ нашего дѣйствія, для насъ имѣетъ цѣнность; они являются объективными цѣлями, т.-е. предметами, бытіе которыхъ само по себѣ есть цѣль, и притомъ такая, на мѣсто которой

не можетъ быть поставлена никакая другая цѣль, для которой они должны были бы служить только средствомъ; безъ такого допущенія нельзя было бы найти вообще ничего, что обладало бы абсолютной цѣнностью; но, если бы всякая цѣнность была условна, слѣдовательно, случайна, то для разума вообще не могъ бы быть найденъ никакой высшій практическій принципъ.

Такимъ образомъ, если долженъ существовать высшій практическій принципъ и, по отношенію къ человѣческой волѣ, категорическій императивъ, то этотъ принципъ долженъ быть такимъ, который изъ представленія того, что необходимо для каждаго является цѣлью, ибо это есть цѣль сама въ себѣ, дѣлаетъ объективный принципъ воли, слѣдовательно, можетъ служить всеобщимъ практическимъ закономъ. Основаніе этого принципа слѣдующее: разумная природа существуетъ какъ цѣль сама по себѣ. Такъ человѣкъ необходимо представляетъ себѣ свое собственное бытіе; постольку это положеніе, слѣдовательно, является субъективнымъ принципомъ человѣческихъ дѣйствій. Но такъ представляетъ себѣ свое бытіе и всякое другое разумное существо, въ силу того же самаго основанія разума, которое имѣетъ значеніе и для меня [1]); такимъ образомъ, это положеніе въ то же время—и объективный принципъ, изъ котораго, какъ изъ высшаго практическаго основанія, должны быть выведены всѣ законы воли. Практическій императивъ, такимъ образомъ, будетъ слѣдующій: Дѣйствуй такъ, чтобы ты никогда не относился къ человѣчеству, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, только какъ къ средству, но всегда въ то же время и какъ къ цѣли. Посмотримъ, можетъ ли это быть приведено въ исполненіе.

Останемся при нашихъ старыхъ примѣрахъ; тогда окажется:

---

[1]) Это положеніе я выдвигаю здѣсь, какъ постулатъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ приведены основанія для этого.

Во-первыхъ, отправляясь отъ понятія необходимаго долга относительно самого себя, тотъ, кто занятъ мыслью о самоубійствѣ, спроситъ себя, совмѣстимо ли его дѣйствіе съ идеей человѣчества, какъ цѣли самой по себѣ? Если онъ, для того чтобы избѣжать тягостнаго состоянія, разрушаетъ самого себя, то онъ пользуется лицомъ, только какъ средствомъ для сохраненія сноснаго состоянія до конца жизни. Но человѣкъ не есть какая-нибудь вещь, т.-е. то, что можетъ употребляться только какъ средство; онъ долженъ разсматриваться при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всегда какъ цѣль сама по себѣ Слѣдовательно, я не могу распоряжаться человѣкомъ и въ моемъ лицѣ, увѣчить его, портить или убивать. (Ближайшее опредѣленіе этого принципа, какое слѣдовало бы сдѣлать для избѣжанія всякихъ недоразумѣній относительно такихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, ампутація членовъ, чтобы себя спасти, опасность, какой я подвергаю свою жизнь, чтобы ее сохранить и т. д., я долженъ здѣсь обойти молчаніемъ; оно принадлежитъ къ области морали въ собственномъ смыслѣ).

Во-вторыхъ, что касается необходимаго или обязательнаго долга относительно другихъ людей, то тотъ, кто намѣревается обмануть другихъ лживымъ обѣщаніемъ, тотчасъ увидитъ, что онъ хочетъ воспользоваться другимъ человѣкомъ только какъ средствомъ, такъ что послѣдній не заключалъ бы въ себѣ въ то же время и цѣль. Вѣдь тотъ, кѣмъ я хочу, путемъ такого обѣщанія, воспользоваться для своихъ цѣлей, никакъ не можетъ согласиться съ моимъ способомъ обращенія съ нимъ и, слѣдовательно, содержать въ самомъ себѣ цѣль этого дѣйствія. Это противорѣчіе принципу другихъ людей ярче бросается въ глаза, если привлечь примѣры нападеній на свободу и собственность другихъ. Вѣдь въ этихъ случаяхъ дѣлается совершенно яснымъ, что нарушитель правъ людей помышляетъ воспользоваться личностью другихъ только какъ средствомъ, не принимая во вниманіе, что они, какъ разумныя существа должны быть цѣнимы всегда въ то же время какъ цѣли, т.-е. только какъ такія существа, кото-

рыя могли бы заключать въ себѣ также и цѣль того же самаго дѣйствія [1]).

Въ третьихъ, что касается случайнаго (поставляемаго въ заслугу) долга относительно себя самого, то недостаточно, чтобы дѣйствіе не противорѣчило въ нашемъ лицѣ человѣчеству, какъ цѣли самой по себѣ; оно должно также съ этимъ согласоваться. Въ человѣчествѣ вѣдь есть задатки къ большему совершенству, которые входятъ въ цѣли природы относительно человѣчества, представленнаго въ нашемъ субъектѣ; пренебреженіе ими, конечно, легко могло бы совмѣщаться съ сохраненіемъ человѣчества, какъ цѣли самой по себѣ, но не могло бы содѣйствовать этой цѣли.

Въ четвертыхъ, что касается поставляемаго въ заслугу долга по отношенію къ другимъ, то цѣль природы, присущая всѣмъ людямъ,—ихъ собственное счастье. Хотя, конечно, человѣчество могло бы существовать, если бы никто не привносилъ ничего къ счастью другихъ, но при этомъ умышленно ничего бы отъ него не отнималъ; однако, если бы каждый не стремился содѣйствовать цѣлямъ другихъ, насколько это въ его силѣ, то такое поведеніе согласовалось бы съ идеей человѣчества, какъ цѣли самой по себѣ, только въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ. Ибо, если представленіе о субъектѣ, какъ цѣли самой по себѣ, должно оказать на меня пол-

---

[1]) Не слѣдуетъ однако думать, что здѣсь тривіальное: quod tibi non vis fieri etc. (что ты не хочешь для себя, того и т. д.) можетъ служить руководящей нитью или принципомъ. Вѣдь это положеніе, хотя и съ различными ограниченіями, только выводится изъ принципа; оно не можетъ быть всеобщимъ закономъ, такъ какъ не содержитъ въ себѣ ни основанія обязанностей относительно самого себя, ни обязанностей любви (Liebespflichten) къ другимъ (вѣдь нѣкоторые охотно согласились бы, чтобы другіе имъ не благодѣтельствовали, лишь бы только они сами могли избавиться отъ оказыванія имъ благодѣяній), ни, наконецъ, основанія обязанностей должнаго (schuldige Pflichten) по отношенію другъ къ другу; такъ какъ преступникъ опираясь на это положеніе, сталъ бы аргументировать противъ своихъ наказующихъ судей и т. д. (О дѣленіи обязанностей на Liebespflichten и schuldige Pflichten см. Kant, Metaphysik der Sitten, II Theil § 23. *Прим. редакт. русск. пер.*).

ное дѣйствіе, то цѣли субъекта должны быть, насколько возможно, также и моими цѣлями.

Этотъ принципъ человѣчества и каждой разумной природы вообще, какъ цѣли самой по себѣ (что является высшимъ ограничительнымъ условіемъ свободы дѣйствій каждаго человѣка) взять не изъ опыта, во-первыхъ, въ силу своей всеобщности, такъ какъ онъ распространяется на всѣхъ разумныхъ существъ вообще, о которыхъ что-либо установить опытъ не доставляетъ достаточныхъ данныхъ; во-вторыхъ, потому что въ немъ человѣчество представляется не какъ цѣль человѣка (субъективно), т.-е. какъ предметъ, который мы дѣйствительно сами отъ себя дѣлаемъ цѣлью, но какъ объективная цѣль, которая въ качествѣ закона должна составлять высшее ограничительное условіе всѣхъ субъективныхъ цѣлей, каковы бы онѣ не были, слѣдовательно, должна вытекать изъ чистаго разума. Именно, основаніе всякаго практическаго законодательства объективно лежитъ въ правилѣ и формѣ всеобщности, которая (согласно первому принципу) и возводитъ его на степень закона (въ смыслѣ закона природы), субъективно же—въ цѣли; но субъектъ всѣхъ цѣлей есть каждое разумное существо, какъ цѣль сама по себѣ (по второму принципу); отсюда слѣдуетъ третій практическій принципъ воли, какъ высшее условіе согласованности ея со всеобщимъ практическимъ разумомъ: идея воли каждаго разумнаго существа, какъ воли, установляющей всеобщіе законы.

По этому принципу будутъ отвергнуты всѣ максимы, которыя не могутъ совмѣститься съ собственнымъ всеобщимъ законодательствомъ воли. Воля, слѣдовательно, должна разсматриваться не какъ просто подчиненная закону, но какъ подчиненная ему такимъ образомъ, что на нее слѣдуетъ смотрѣть также какъ на самостоятельно законодательствующую и только именно поэтому подчиненную закону (творцомъ котораго она можетъ считать саму себя).

Императивы, согласно тому какъ они были нами раньше представлены, именно, въ смыслѣ всеобщей закономѣрности дѣйствій, подобной порядку природы, или—всеобщаго

признанія высшей цѣлью разумныхъ существъ самихъ по себѣ, получали, конечно, свой повелительный характеръ безъ всякой примѣси какого-нибудь интереса, какъ мотива, какъ разъ потому, что они были представлены категорическими; а приняты нами были только категорическіе императивы потому, что намъ необходимо принимать императивы такого рода, если мы хотѣли уяснять понятіе долга. Но что существуютъ такія практическія положенія, которыя предписываютъ категорически, это само по себѣ не могло быть доказано, какъ не можетъ быть сдѣлано это вообще въ настоящемъ отдѣлѣ, даже и теперь: впрочемъ, одно все-таки могло быть выполнено, а именно: отказъ отъ всякаго интереса при воленіи изъ долга, какъ специфическій отличительный признакъ категорическаго императива отъ гипотетическаго, могъ быть показанъ въ самомъ императивѣ, при помощи какого-нибудь, заключающагося въ немъ обозначенія; это и происходитъ въ разбираемой теперь третьей формулѣ принципа, именно въ идеѣ воли каждаго разумнаго существа, какъ воли, установляющей всеобщіе законы.

Ибо, если мы помыслимъ такую волю, то, хотя вообще воля, которая подчинена законамъ, и можетъ быть связана съ этимъ закономъ посредствомъ интереса, однако воля, которая сама является высшей законодательницей, тѣмъ самымъ уже не можетъ зависѣть отъ какого-нибудь интереса; вѣдь такая зависимая воля сама нуждалась бы еще въ другомъ законѣ, который ограничилъ бы интересъ ея эгоизма условіемъ пригодности его быть всеобщимъ закономъ.

Такимъ образомъ, принципъ воли каждаго человѣка, какъ воли всѣми своими максимами установляющей всеобщіе законы [1]), если онъ вообще правиленъ, былъ бы вполнѣ пригоденъ для роли категорическаго императива благодаря тому, что, какъ разъ

---

[1]) Я могу избавить себя здѣсь отъ приведенія примѣровъ для поясненія этого принципа, такъ какъ всѣ тѣ, которые поясняли раньше категорическій императивъ и его формулу, могутъ послужить здѣсь для той же цѣли.

въ силу идеи всеобщаго законодательства, онъ не опирается ни на какой интересъ и, слѣдовательно, среди всѣхъ возможныхъ императивовъ одинъ только можетъ быть безусловнымъ; или, перевернувъ предложеніе, лучше сказать такъ: если существуетъ категорическій императивъ (т.-е. законъ для воли каждаго разумнаго существа), то онъ можетъ предписывать только совершать все, исходя изъ максимы его воли, какъ такой, которая при томъ же могла бы имѣть предметомъ саму себя, какъ волю, устанавливающую всеобщіе законы; такъ какъ только въ такомъ случаѣ практическій принципъ и императивъ, которому воля подчиняется, безусловенъ, ибо онъ не можетъ имѣть въ основѣ никакого интереса.

Насъ не удивитъ теперь, почему должны были оказаться неудачными рѣшительно всѣ попытки доискаться принципа нравственности, которыя когда-либо до сихъ поръ предпринимались. Видѣли, что человѣкъ своимъ долгомъ связанъ съ закономъ, но не догадывались, что онъ подчиненъ только своему собственному и притомъ всеобщему законодательству, и что онъ обязанъ только дѣйствовать, сообразуясь со своей собственной волей, установляющей однако всеобщіе законы согласно цѣли природы. Вѣдь, если его представляли себѣ только подчиненнымъ закону (каковъ бы онъ ни былъ), то послѣдній долженъ былъ сопровождаться какимъ-нибудь интересомъ, какъ источникомъ возбужденія или принужденія, такъ какъ онъ не возникалъ какъ законъ изъ его воли, но послѣдняя принуждалась чѣмъ-то другимъ дѣйствовать законом*ѣрно извѣстнымъ образомъ. Но, благодаря такому совершенно необходимому выводу, вся работа отысканія высшей основы долга была невознаградимо потеряна. Ибо такимъ путемъ никогда не получали долга, а только необходимость дѣйствія изъ какого-нибудь интереса. Послѣдній могъ быть собственнымъ или же чужимъ интересомъ. Но тогда императивъ долженъ былъ выражаться всегда условно и не могъ годиться въ качествѣ моральной заповѣди. Я буду называть это основное положеніе принципомъ **автономіи** воли, въ противоположность

каждому другому принципу, который я причисляю поэтому къ **гетерономіи.**

Понятіе каждаго разумнаго существа, обязаннаго смотрѣть на себя, какъ на установляющее всѣми максимами своей воли всеобщіе законы, чтобы съ этой точки зрѣнія обсуждать самого себя и свои дѣйствія, приводитъ къ другому связанному съ нимъ очень плодотворному понятію, именно, къ понятію царства цѣлей.

Подъ царствомъ же я понимаю систематическую связь различныхъ разумныхъ существъ посредствомъ общихъ законовъ. Такъ какъ законы опредѣляютъ цѣли по ихъ всеобщей пригодности, то, если отвлечься отъ индивидуальныхъ отличій разумныхъ существъ, равнымъ образомъ отъ всего содержанія ихъ частныхъ цѣлей, можно будетъ помыслить цѣлое всѣхъ цѣлей (понимая подъ ними и разумныя существа въ качествѣ цѣлей самихъ по себѣ и тѣ особенныя цѣли, которыя каждое изъ нихъ можетъ ставить самому себѣ) въ систематической связи, т. е. царство цѣлей, которое возможно согласно вышеустановленнымъ принципамъ.

Вѣдь всѣ разумныя существа подчинены закону, по которому каждое изъ нихъ должно обращаться съ самимъ собой и со всѣми другими никогда, только какъ со средствомъ, но всегда въ то же время, какъ съ цѣлью самой по себѣ. Но отсюда и возникаетъ систематическая связь разумныхъ существъ посредствомъ общихъ объективныхъ законовъ, т. е. царство, которое, благодаря тому, что эти законы имѣютъ въ виду какъ разъ отношеніе этихъ существъ другъ къ другу какъ цѣлей и средствъ, можетъ быть названо царствомъ цѣлей (конечно, только въ смыслѣ идеала).

Но разумное существо принадлежитъ къ царству цѣлей, какъ членъ, если оно, хотя и является устанавляющимъ всеобщіе законы, но въ то же время само подчинено этимъ законамъ. Оно принадлежитъ къ нему, какъ глава, если, какъ законодательствующее, оно не подчинено волѣ никого другого.

Разумное существо всегда должно разсматривать себя, какъ законодательствующее въ возможномъ, благодаря

свободѣ воли, царствѣ цѣлей, будетъ ли оно членомъ или главой. Однако мѣсто послѣдняго оно можетъ удержать за собой не просто въ силу максимы своей воли, но только въ томъ случаѣ, если оно является вполнѣ независимымъ существомъ безъ потребностей и безъ ограниченія мощи, которая адэкватна волѣ.

Моральность состоитъ, такимъ образомъ, въ отнесеніи всякаго дѣйствія къ законодательству, благодаря чему только и возможно царство цѣлей. Но необходимо, чтобы это законодательство всегда было на лицо въ самомъ разумномъ существѣ и могло возникать изъ его воли, принципъ которой, такимъ образомъ, слѣдующій: совершать каждое дѣйствіе не иначе какъ по такой максимѣ, которая могла бы примѣняться въ качествѣ всеобщаго закона, и, слѣдовательно, только такъ, чтобы воля, благодаря своимъ максимамъ, могла смотрѣть на саму себя въ то же время, какъ на устанавливающую всеобщіе законы. Если максимы не согласны уже необходимо по своей природѣ съ этимъ принципомъ разумныхъ существъ, какъ установляющихъ всеобщіе законы, то необходимость дѣйствованія согласно съ этимъ принципомъ называется практическимъ принужденіемъ, т. е. долгомъ. Долгъ не свойственъ главѣ въ царствѣ цѣлей, но присущъ каждому члену, и притомъ всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ.

Практическая необходимость дѣйствованія по этому принципу, т. е. долгъ, покоится совсѣмъ не на чувствахъ, побужденіяхъ и склонностяхъ, но только на отношеніи разумныхъ существъ другъ къ другу, при которомъ воля разумнаго существа должна разсматриваться какъ законодательствующая, такъ какъ иначе разумное существо не могло бы мыслиться цѣлью самой по себѣ. Такимъ образомъ, разумъ относитъ каждую максиму воли, выступающей въ качествѣ установительницы всеобщаго законодательства, ко всякой другой волѣ и также ко всякому дѣйствію относительно самого себя, и это притомъ не въ силу какой-нибудь другой практической побудительной причины и не ради будущей выгоды, но въ силу идеи достоинства разумнаго существа, подчиняю-

щагося только тому закону, какой оно въ то же время само себѣ даетъ.

Въ царствѣ цѣлей все имѣетъ или цѣну или достоинство. На мѣсто того, что имѣетъ цѣну, можетъ быть поставлено также и что-нибудь другое, какъ эквивалентъ; что, напротивъ того, выше всякой цѣны, слѣдовательно, не допускаетъ никакого эквивалента, то обладаетъ достоинствомъ.

Что стоитъ въ отношеніи къ общимъ человѣческимъ склонностямъ и потребностямъ, то имѣетъ рыночную цѣну; то, что и безъ предположенія потребности соотвѣтствуетъ извѣстному вкусу, т. е. удовольствію отъ простой безцѣльной игры нашихъ чувствъ, имѣетъ субъективную цѣну (Affektionspreis); но то, что составляетъ условіе, при которомъ только и возможно, чтобы нѣчто было цѣлью самой по себѣ, имѣетъ не просто относительную цѣнность, т. е. цѣну, но внутреннюю цѣнность, т. е. достоинство.

Моральность же и есть условіе, при которомъ только и возможно, чтобы разумное существо было цѣлью самой по себѣ, такъ какъ только посредствомъ нея можно быть законодательствующимъ членомъ въ царствѣ цѣлей. Такимъ образомъ, нравственность и человѣчество, поскольку оно къ ней способно, есть то, что одно только и имѣетъ достоинство. Искусность и прилежаніе въ трудѣ имѣютъ рыночную цѣну; остроуміе, живое воображеніе и веселость обладаютъ субъективной цѣной; напротивъ, вѣрность обѣщанію, доброжелательство изъ принциповъ (не изъ инстинкта) имѣютъ внутреннюю цѣнность. Природа, такъ же какъ искусство, не содержатъ ничего, что за неимѣніемъ этихъ свойствъ они могли бы поставить на ихъ мѣсто; такъ какъ ихъ цѣнность состоитъ не въ результатахъ, которые изъ нихъ возникаютъ, не въ выгодѣ и пользѣ, которую они создаютъ, но въ настроеніяхъ, т. е. максимахъ воли, которыя готовы въ этомъ направленіи обнаружиться въ дѣйствіяхъ, хотя бы даже послѣднія не увѣнчались успѣхомъ. Эти дѣйствія не нуждаются также ни въ какой рекомендаціи со стороны какого-нибудь субъективнаго расположенія или вкуса для того, чтобы смот-

рѣть на нихъ съ непосредственной благосклонностью и удовольствіемъ, ни въ какомъ непосредственномъ влеченіи или сочувствіи имъ; они представляютъ волю, которая ихъ производитъ, предметомъ непосредственнаго уваженія, при чемъ нѣтъ нужды ни въ чемъ другомъ, кромѣ разума, для того чтобы потребовать ихъ отъ воли, а не выманить ихъ у нея, такъ какъ это послѣднее въ отношеніи къ долгу было бы противорѣчіемъ. Такимъ образомъ, эта оцѣнка указываетъ на цѣнность такого образа мыслей, какъ на достоинство, и ставитъ достоинство безконечно выше всякой цѣны, съ которой оно совершенно не можетъ быть приведено въ сравненіе безъ посягательства какъ бы на его святость.

Но что же это такое, что даетъ право нравственно доброму настроенію или добродѣтели заявлять такія высокія притязанія? Не что меньшее, какъ участіе во всеобщемъ законодательствѣ, какое они обезпечиваютъ разумному существу, и въ силу котораго дѣлаютъ его пригоднымъ для роли члена въ возможномъ царствѣ цѣлей. Для этой роли разумное существо было предназначено уже своей собственной природой, какъ цѣль сама по себѣ и, именно поэтому, какъ законодательствующее въ царствѣ цѣлей, свободное относительно всѣхъ законовъ природы, послушное только тѣмъ, которые оно само себѣ даетъ и благодаря которымъ его максимы могутъ принадлежать ко всеобщему законодательству (какому оно въ то же время само себя подчиняетъ). Ибо ничто не имѣетъ другой цѣнности, чѣмъ та, какую опредѣляетъ законъ. Само же законодательство, которое опредѣляетъ всякую цѣнность, именно поэтому должно обладать достоинствомъ, т. е безусловной, несравнимой цѣнностью. Единственнымъ подходящимъ выраженіемъ той оцѣнки, которую разумное существо должно дать этому законодательству, является слово уваженіе (Achtung). Автономія есть, такимъ образомъ, основаніе достоинства человѣческой и всякой разумной природы.

Три приведенные способа представлять принципъ нравственности, въ основѣ суть только три формулы одного и то же закона, изъ которыхъ одна сама собой объеди-

няетъ въ себѣ двѣ другія. Однако все таки въ нихъ есть различіе, которое является, правда, скорѣе субъективно, чѣмъ объективно-практическимъ, именно, служитъ къ тому, чтобы привести идею разума поближе къ воззрѣнію (по извѣстной аналогіи) и тѣмъ самымъ къ чувству. Всѣ максимы имѣютъ, слѣдовательно

1. Форму, которая состоитъ во всеобщности, и тогда формула нравственнаго императива выражается такимъ образомъ: максимы должны такъ выбираться, какъ будтобы они должны были имѣть значеніе всеобщихъ законовъ природы;

2 матерію, именно цѣль, и тогда формула гласитъ: разумное существо, какъ цѣль по своей природѣ, слѣдовательно, какъ цѣль сама по себѣ, должно служить каждой максимѣ ограничивающимъ условіемъ всѣхъ только относительныхъ и произвольныхъ цѣлей;

3. полное опредѣленіе всѣхъ максимъ при помощи той формулы, именно: что всѣ максимы, вытекающія изъ собственнаго законодательства, должны объединяться въ возможное царство цѣлей, какъ царство природы [1]). Мысль движется здѣсь какъ бы при посредствѣ категорій единства формы воли (всеобщности ея), множественности матеріи (объектовъ, т. е. цѣлей) и цѣлостности или законченности ихъ системы. Но лучше въ нравственномъ сужденіи поступать всегда по строжайшей методѣ и класть въ основу всеобщую формулу категорическаго императива: дѣйствуй по такой максимѣ, которая въ то же время можетъ сдѣлать сама себя всеобщимъ закономъ. Но, если хотятъ въ то же время практически примѣнить нравственный законъ, то очень полезно одно и то же дѣйствіе провести

---

[1]) Телеологія разсматриваетъ природу, какъ царство цѣлей, мораль—возможное царство цѣлей, какъ царство природы. Въ первомъ случаѣ царство цѣлей является теоретической идеей для объясненія того, что существуетъ. Во второмъ оно—практическая идея, для того чтобы реализовать то, что не существуетъ, но что можетъ стать дѣйствительнымъ черезъ наше поведеніе, и при томъ какъ разъ согласно этой идеѣ.

черезъ всѣ три названныя понятія и этимъ путемъ, насколько возможно, приблизить его къ воззрѣнію.

Теперь мы уже можемъ кончить тѣмъ, отъ чего исходили въ началѣ, именно понятіемъ безусловно доброй воли. Та воля безусловно добра, которая не можетъ быть злой, слѣдовательно, та, максима которой, если ее сдѣлаютъ всеобщимъ закономъ, никогда не можетъ себѣ противорѣчить. Слѣдовательно, принципъ: дѣйствуй всегда по такой максимѣ, для которой ты въ то же время можешь желать всеобщности въ качествѣ закона, является также ея высшимъ закономъ; это единственное условіе, при которомъ воля никогда не можетъ сама себѣ противорѣчить, и такой императивъ является категорическимъ. Такъ какъ значимость воли, какъ всеобщаго закона для возможныхъ дѣйствій, имѣетъ аналогію со всеобщей связью бытія вещей по всеобщимъ законамъ, что составляетъ формальный элементъ природы вообще, то категорическій императивъ можетъ быть выраженъ и слѣдующимъ образомъ: дѣйствуй по максимамъ, которыя въ то же время могутъ имѣть предметомъ самихъ себя въ качествѣ всеобщихъ законовъ природы. Такъ, слѣдовательно, дѣло обстоитъ съ формулой безусловно доброй воли.

Разумная природа тѣмъ отличается отъ всякой другой, что сама ставитъ себѣ цѣль. Послѣдняя составляла бы матерію всякой доброй воли. Но въ идеѣ совершенно доброй воли безъ ограничивающаго условія (достиженія той или другой цѣли) непремѣнно нужно отвлечься отъ всякой подлежащей осуществленію цѣли (какъ такой, которая сдѣлала бы всякую волю только относительно доброй); поэтому цѣль здѣсь должна мыслиться не какъ подлежащая осуществленію, но какъ самостоятельная цѣль, слѣдовательно, только отрицательно, т. е. какъ цѣль, вопреки которой никогда не слѣдуетъ поступать, которую, такимъ образомъ, въ каждомъ воленіи никогда нельзя цѣнить, только какъ средство, но всегда въ то же время какъ цѣль. А такой цѣлью не можетъ быть что-либо иное, какъ самъ субъектъ всѣхъ возможныхъ цѣлей, ибо онъ является въ то же время субъектомъ возможной

безусловно доброй воли; вѣдь въ сравненіи съ ней никакому другому предмету безъ противорѣчія не можетъ быть отдано предпочтеніе. Поэтому принципъ: дѣйствуй въ отношеніи къ каждому разумному существу (къ самому себѣ и другимъ) такъ, чтобы въ твоей максимѣ оно имѣло значеніе въ то же время цѣли самой по себѣ, въ сущности тотъ же, что и принципъ: дѣйствуй по такой максимѣ, которая въ то же время содержитъ въ себѣ свою собственную всеобщую значимость для каждаго разумнаго существа. Вѣдь требованіе ограниченія моей максимы въ выборѣ средствъ для каждой цѣли условіемъ ея обще-примѣнимости, какъ закона для каждаго субъекта, говоритъ то же самое, что и требованіе, чтобы субъектъ цѣлей, т. е. само разумное существо никогда не полагалось въ основу всѣхъ максимъ дѣйствій только какъ средство, но какъ высшее ограничивающее условіе въ выборѣ всѣхъ средствъ, т. е. всегда въ то же время какъ цѣль.

Отсюда безспорно слѣдуетъ, что каждое разумное существо, какъ цѣль сама по себѣ, должно имѣть возможность смотрѣть на себя въ отношеніи ко всѣмъ законамъ, которымъ только оно когда либо можетъ быть подчинено, въ то же время, какъ на дающее всеобщіе законы, такъ какъ именно эта пригодность его максимъ къ роли всеобщихъ законовъ отличаетъ его въ качествѣ цѣли самой по себѣ; равнымъ образомъ, отсюда слѣдуетъ, что все это влечетъ за собой его достоинство (прерогативу) по сравненію со всѣми другими простыми существами природы, которое состоитъ въ томъ, что оно постоянно должно принимать свои максимы съ точки зрѣнія самого себя, но въ то же время также и каждаго другого разумнаго существа, какъ установителя законовъ (почему эти существа и называются личностями). Вотъ такимъ то образомъ и возможенъ міръ разумныхъ существъ (mundus intelligibilis), какъ царство цѣлей, и притомъ посредствомъ собственнаго законодательства всѣхъ личностей, какъ членовъ. Соотвѣтственно съ этимъ, каждое разумное существо должно дѣйствовать такимъ образомъ, какъ будто бы благодаря своимъ максимамъ оно всегда было законодательствующимъ членомъ во всеобщемъ царствѣ цѣлей.

Формальный принципъ этихъ максимъ слѣдующій: дѣйствуй такъ, какъ будто бы твоя максима въ то же время должна была служить всеобщимъ закономъ (всѣхъ разумныхъ существъ). Такимъ образомъ, царство цѣлей возможно только по аналогіи съ царствомъ природы, но первое возможно только по максимамъ, т.-е. правиламъ, которыя мы сами на себя налагаемъ, второе же—только по законамъ подчиняющихся внѣшней необходимости дѣйствующихъ причинъ. Хотя, такимъ образомъ, цѣлое природы разсматривается какъ машина, тѣмъ не менѣе, такъ какъ и оно имѣетъ извѣстное отношеніе къ разумнымъ существамъ какъ своимъ цѣлямъ, во вниманіе къ этому и ему даютъ имя царства природы. Такое царство цѣлей осуществилось бы на самомъ дѣлѣ при помощи максимъ, правило которыхъ предписываетъ всѣмъ разумнымъ существамъ категорическій императивъ, только въ томъ случаѣ, если бы повиновеніе имъ было всеобщимъ. Конечно, разумное существо не можетъ разсчитывать на то, что, если бы даже оно само стало пунктуально слѣдовать этой максимѣ, то поэтому и каждое другое было бы вѣрно той же максимѣ; равнымъ образомъ, не можетъ разсчитывать оно и на то, что царство природы и цѣлесообразное его устройство будетъ согласоваться съ нимъ, какъ пригоднымъ членомъ для возможнаго черезъ него самого царства цѣлей, т.-е. будетъ благопріятно его надеждѣ на счастье. И тѣмъ не менѣе остается въ своей полной силѣ извѣстный намъ законъ: дѣйствуй по максимамъ дающаго всеобщіе законы члена въ только возможномъ царствѣ цѣлей, такъ какъ этотъ законъ предписываетъ категорически. Въ этомъ то, именно, и заключается парадоксъ, что только достоинство человѣчества, какъ разумной природы, безъ всякой другой достижимой этимъ путемъ цѣли или выгоды, слѣдовательно, уваженіе къ простой идеѣ тѣмъ не менѣе должно служить неумолимымъ предписаніемъ воли, и что именно эта независимость максимы отъ всѣхъ подобныхъ мотивовъ придаетъ ей ея возвышенный характеръ и дѣлаетъ каждое разумное существо достойнымъ занять мѣсто законодательствующаго члена въ царствѣ цѣлей; вѣдь въ противномъ случаѣ его нужно было бы

представлять подчиненнымъ только природному закону его потребностей. Конечно, мы могли бы помыслить какъ царство природы, такъ и царство цѣлей объединенными подъ властью одного и того же главы; вслѣдствіе этого, послѣднее не оставалось бы больше простой идеей, но получило бы истинную реальность. Этимъ путемъ, правда, идея пріобрѣла бы въ подкрѣпленіе могущественный мотивъ, но это нисколько не увеличило бы ея внутренней цѣнности; вѣдь, несмотря на все это, самъ этотъ единый неограниченный законодатель долженъ былъ бы представляться всегда судящимъ о цѣнности разумныхъ существъ только по ихъ безкорыстному поведенію, которое они сами себѣ предписали, исходя изъ простой идеи. Сущность вещей не мѣняется отъ ихъ внѣшнихъ отношеній, и человѣкъ долженъ обсуждаться кѣмъ бы то ни было, даже высшимъ существомъ, на основаніи того, что помимо всякихъ внѣшнихъ отношеній составляетъ абсолютную цѣнность исключительно человѣка. Моральность есть, такимъ образомъ, отношеніе дѣйствій черезъ посредство максимъ воли къ автономіи воли, т.-е. къ возможному всеобщему законодательству. Дѣйствіе, которое можетъ совмѣщаться съ автономіей воли,—дозволено, дѣйствіе, которое съ ней не согласуется,—не дозволено. Воля, максимы которой необходимо согласуются съ законами автономіи, есть святая, безусловно добрая воля. Зависимость не безусловно доброй воли отъ принципа автономіи (моральное принужденіе) есть обязанность (Verbindlichkeit). Послѣдняя, такимъ образомъ, не можетъ относиться къ святому существу. Объективная необходимость дѣйствія изъ обязанности называется долгомъ (Pflicht).

Изъ только что сказаннаго мы можемъ теперь легко объяснить себѣ, какъ это происходитъ, что, хотя мы въ понятіи долга представляемъ себѣ подчиненность закону, мы въ то же время видимъ извѣстное величіе и достоинство въ томъ лицѣ, которое выполняетъ всѣ свои обязанности. Конечно, въ личности нѣтъ никакого величія, поскольку она подчинена моральному закону, но оно есть постольку, поскольку она является установитель-

ницей этого закона и только потому ему подчиняется. Выше мы показали также, какъ ни страхъ, ни склонность, но исключительно уваженіе къ закону является тѣмъ мотивомъ, который можетъ придать дѣйствію моральную цѣнность. Наша собственная воля, поскольку она стала бы дѣйствовать только подъ условіемъ возможнаго при помощи ея максимъ всеобщаго законодательства, эта возможная для насъ въ идеѣ воля и есть настоящій предметъ уваженія, и достоинство человѣчества состоитъ именно въ этой способности установлять всеобщіе законы, хотя и съ условіемъ въ то же время самому подчиниться какъ разъ этому законодательству.

Автономія воли,

какъ высшій принципъ нравственности.

Автономія воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама является для себя закономъ (независимо отъ какихъ бы то ни было свойствъ предметовъ воленія). Принципъ автономіи сводится, такимъ образомъ, къ слѣбующему: не принимать рѣшенія иначе, какъ такъ, чтобы максимы нашего рѣшенія были включены въ наше воленіе въ то же время какъ всеобщій законъ. Что это практическое правило есть императивъ, т.-е. воля каждаго разумнаго существа необходимо связана съ нимъ, какъ съ условіемъ, это не можетъ быть доказано простымъ расчлененіемъ входящихъ въ него понятій, такъ какъ это—синтетическое положеніе; для этой цѣли нужно было бы выйти за предѣлы познанія объектовъ къ критикѣ субъекта, т.-е. чистаго практическаго разума, такъ какъ это синтетическое положеніе, предписывающее аподиктически, должно быть доступно вполнѣ апріорному познанію; но такая задача не относится къ настоящему отдѣлу. Однако, что упомянутый принципъ автономіи есть единственный принципъ морали, это вполнѣ возможно показать при помощи простого расчлененія понятій нравственности. Вѣдь при этомъ обнаруживается, что принципъ нравственности необходимо долженъ быть категорическимъ императивомъ, послѣд-

ній же предписываетъ не болѣе не менѣе, какъ именно эту автономію.

Гетерономія воли,

какъ источникъ всѣхъ ложныхъ принциповъ нравственности.

Если воля ищетъ законъ, который долженъ ее опредѣлять, въ чемъ-нибудь другомъ, чѣмъ въ пригодности ея максимъ къ ея собственному всеобщему законодательству, слѣдовательно, если она, выходя за предѣлы самой себя, ищетъ этотъ законъ въ свойствѣ какого-нибудь изъ своихъ объектовъ, то отсюда всегда возникаетъ гетерономія. Воля въ этомъ случаѣ не сама даетъ себѣ законъ, но его даетъ ей объектъ въ силу своего отношенія къ волѣ. Это отношеніе, покоится ли оно на склонности, или на представленіяхъ разума, дѣлаетъ возможными только гипотетическіе императивы: я долженъ сдѣлать что-нибудь потому, что я хочу чего-нибудь другого. Въ противоположность этому моральный, слѣдовательно, категорическій императивъ говоритъ: я долженъ дѣйствовать такъ-то или такъ-то, хотя бы я не хотѣлъ ничего другого. Напримѣръ, одинъ скажетъ: я не долженъ лгать, если я хочу сохранить честное имя; другой же думаетъ: я не долженъ лгать, хотя бы ложь не повлекла за собой ни малѣйшаго стыда для меня. Такимъ образомъ, послѣдній долженъ настолько отвлечься отъ всякаго предмета, чтобы тотъ не имѣлъ никакого вліянія на волю, такъ чтобы практическій разумъ (воля) не только управлялъ чуждыми интересами, но просто показывалъ свой собственный повелительный характеръ какъ высшее законодательство. Такъ я долженъ, напримѣръ, стараться способствовать чужому счастью не потому, что наличность его представляла бы для меня какую-нибудь важность (въ силу непосредственной ли склонности или въ силу какого-нибудь удовольствія, достижимаго косвенно посредствомъ разума), но только потому, что максима, которая исключаетъ чужое счастье, не можетъ содержаться въ одномъ и томъ же воленіи, какъ всеобщемъ законѣ.

Дѣленіе

всѣхъ возможныхъ принциповъ нравственности, отправляющееся отъ принятаго основного понятія гетерономіи.

Человѣческій разумъ здѣсь, какъ вездѣ въ своемъ чистомъ употребленіи, покуда ему не достаетъ критики, испробовалъ всѣ возможные неправильные пути, прежде чѣмъ ему удалось найти единственный истинный.

Всѣ принципы, которые можно принять съ этой точки зрѣнія, суть или эмпирическіе, или раціональные принципы. **Первые,** выводимые изъ принципа счастья, построены на физическомъ или моральномъ чувствѣ, **вторые,** выводимые изъ принципа совершенства, построены или на понятіи разума о совершенствѣ, какъ возможномъ результатѣ, или на понятіи самостоятельнаго совершенства (волѣ Бога), какъ опредѣляющей причинѣ нашей воли.

Эмпирическіе принципы вообще не пригодны къ тому, чтобы основывать на нихъ моральные законы. Ибо всеобщность, съ которой они должны имѣть значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ безъ различія, безусловная практическая необходимость, которая этимъ путемъ имъ придается, отпадаютъ, если основаніе ихъ берется изъ особенной организаціи человѣческой природы, или случайныхъ обстоятельствъ, въ которыя она поставлена. Что же касается принципа собственнаго счастья, то его слѣдуетъ отвергнуть прежде всего. И это не только потому, что онъ ложенъ и опытъ противорѣчитъ представленію, будто бы хорошее самочувствіе всегда опредѣляется хорошимъ поведеніемъ, также не только потому, что онъ ровно ничего не привноситъ къ построенію нравственности, такъ какъ вѣдь совсѣмъ не одно и то же сдѣлать человѣка счастливымъ или же хорошимъ, и сдѣлать его умнымъ и знающимъ свою выгоду или добродѣтельнымъ. Принципъ этотъ негоденъ потому, что онъ подкладываетъ нравственности мотивы, которые ее скорѣе подрываютъ и уничтожаютъ весь ея возвышенный характеръ, смѣшивая въ одинъ классъ побужденія къ

добродѣтели и побужденія къ пороку и научая только лучше дѣлать разсчеты, специфическое же отличіе того и другого совершенно стираютъ. Напротивъ того, моральное чувство, это мнимое особое чувство [1]) (какъ ни поверхностна ссылка на него, ибо тѣ, кто не можетъ мыслить, даже въ той области, гдѣ дѣло касается общихъ законовъ, думаютъ помочь себѣ чувствами; какъ ни мало способны чувства, которыя отъ природы безконечно отличны въ степени другъ отъ друга, дать одинаковый масштабъ добраго и злого, и одинъ человѣкъ совершенно не можетъ, руководясь своимъ чувствомъ, высказывать сужденія обязательныя для другихъ) тѣмъ не менѣе остается ближе къ нравственности и ея достоинству благодаря тому, что оказываетъ добродѣтели честь приписать расположеніе и высокую оцѣнку ея непосредственно ей самой, и не говоритъ ей какъ бы прямо въ лицо, что не ея красота, а только наша выгода насъ къ ней привязываетъ.

Между раціональными или разумными основаніями нравственности онтологическое понятіе совершенства (не взирая на его безсодержательность, неопредѣленность, а, слѣдовательно, и непригодность къ тому, чтобы отыскать въ неизмѣримомъ полѣ возможной реальности требуемую для насъ наибольшую сумму; не взирая на то, что при желаніи специфически отличить реальность, о которой здѣсь идетъ рѣчь, отъ всякой другой, оно имѣетъ неизбѣжную склонность вертѣться въ кругу, и не можетъ не предполагать скрыто нравственность, которую еще должно объяснить) тѣмъ не менѣе лучше, чѣмъ теологическое понятіе, которое выводитъ нравственность изъ божественной, всесовершеннѣйшей воли; и это не только потому, что совершенство этой воли мы не можемъ созер-

---

[1]) Я причисляю принципъ моральнаго чувства къ принципу счастья потому, что всякій эмпирическій интересъ обѣщаетъ намъ добавленіе къ нашему благополучію тѣмъ удовольствіемъ, которое намъ чѣмъ-нибудь доставлено, происходитъ ли это непосредственно безъ видовъ на выгоду, или во вниманіе къ ней. Равнымъ образомъ, и принципъ участія въ счастьи другихъ нужно причислить, вмѣстѣ съ Hutcheson'омъ, къ тому же принятому имъ моральному чувству.

цать, а только и можемъ вывести его изъ нашихъ понятій, среди которыхъ понятіе нравственности является важнѣйшимъ, но потому что, если мы этого не сдѣлаемъ (такъ какъ, если бы это произошло, то это было бы грубымъ кругомъ въ объясненіи), остающееся еще намъ понятіе божественной воли, связанное изъ качествъ честолюбія и властолюбія со страшными представленіями могущества и мстительности, должно было бы создать основанія для системы нравовъ, которая была бы прямо противоположна моральности.

Но, если мнѣ нужно было бы выбирать между понятіемъ моральнаго чувства и понятіемъ совершенства вообще (оба, по крайней мѣрѣ, не извращаютъ нравственнаго принципа, хотя совершенно непригодны и къ тому, чтобы подкрѣпить его въ качествѣ основаній), то я высказался бы за послѣднее, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, перенося рѣшеніе вопроса изъ области чувственности на судъ чистаго разума, оно, хотя и здѣсь ничего не рѣшаетъ, но тѣмъ не менѣе безъ искаженія сохраняетъ для ближайшаго опредѣленія неопредѣленную идею (самой по себѣ доброй воли).

Впрочемъ, я считаю возможнымъ избавить себя отъ обстоятельнаго опроверженія всѣхъ этихъ системъ. Оно такъ легко, оно, по всей вѣроятности, такъ ясно даже для тѣхъ, чье должностное положеніе требуетъ того, чтобы они высказались за одну изъ этихъ теорій (такъ какъ слушатели, конечно, не потерпѣли бы отсрочки приговора), что моя работа въ этомъ отношеніи оказалась бы только излишней. Но вотъ что насъ здѣсь болѣе всего интересуетъ: знать, что эти принципы всегда предлагаютъ первымъ основаніемъ нравственности не что другое, какъ гетерономію воли, и именно поэтому необходимо должны попадать мимо цѣли.

Вездѣ, гдѣ въ основу долженъ быть положенъ объектъ воли для того, чтобы предписать ей правило, которое бы ее опредѣлило, правило является не чѣмъ инымъ какъ гетерономіей; мы имѣемъ дѣло съ условнымъ императивомъ, именно: если или такъ какъ мы хотимъ этого объекта, мы должны дѣйствовать такъ или иначе; слѣдовательно,

этотъ императивъ никогда не можетъ предписывать морально, т.-е. категорически. Опредѣляетъ ли объектъ волю посредствомъ склонности, какъ при принципѣ собственнаго счастья, или посредствомъ разума, направленнаго вообще на предметы нашей возможной воли, какъ при принципѣ совершенства, въ обоихъ случаяхъ воля никогда не опредѣляетъ сама себя непосредственно представленіемъ дѣйствія, но только посредствомъ мотиваціи, которую доставляетъ волѣ предвидимый результатъ дѣйствія: я долженъ сдѣлать нѣчто потому, что я хочу чего-нибудь другого; и здѣсь въ моемъ субъектѣ долженъ быть положенъ въ основу еще другой законъ, согласно которому я необходимо хочу этого другого, а этотъ законъ опять-таки нуждается въ императивѣ, который ограничилъ бы эту максиму. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь побужденіе, какое, согласно природной организаціи субъекта, вызывается у его воли представленіемъ возможнаго при содѣйствіи нашихъ силъ объекта, принадлежитъ природѣ субъекта, возьмемъ ли мы ее со стороны чувственности (склонности и вкуса) или со стороны разсудка и разума, которымъ въ силу особаго устройства ихъ природы доставляетъ наслажденіе какой-либо объектъ. Поэтому собственно законъ даетъ природа; какъ таковой, законъ этотъ не только долженъ быть познанъ и доказанъ посредствомъ опыта, слѣдовательно, является самъ по себѣ случайнымъ и потому не годится въ качествѣ аподиктическаго практическаго правила, какимъ необходимо должно быть моральное правило, но, помимо того, онъ остается всегда только гетерономіей воли; воля не сама даетъ себѣ законъ, а законъ этотъ даетъ ей исходящее извнѣ побужденіе, при посредствѣ природы субъекта, разсчитанной на воспріятіе этого побужденія.

Такимъ образомъ, безусловно добрая воля, принципомъ которой долженъ быть категорическій императивъ, неопредѣленная въ отношеніи ко всѣмъ объектамъ, будетъ содержать въ себѣ только форму воленія вообще, и притомъ какъ автономію; т.-е. самая пригодность максимы каждой доброй воли къ тому, чтобы дѣлать саму себя всеобщимъ закономъ, есть единственный законъ, который

налагаетъ сама на себя воля каждаго разумнаго существа, не полагая въ качествѣ основы какого-либо мотива или интереса этого существа.

Какъ возможно такое синтетическое практическое положеніе a priori и почему оно необходимо,—это задача, разрѣшеніе которой не лежитъ уже въ границахъ метафизики нравовъ; мы и не утверждали здѣсь его истинности, еще менѣе были склонны объявлять, что доказательство его находится въ нашей власти. Мы только показали путемъ развитія находящагося во всеобщемъ употребленіи понятія нравственности, что автономія воли привязана къ нему неизбѣжнымъ образомъ, или, скорѣе, лежитъ въ его основѣ. Такимъ образомъ, тотъ, для кого нравственность что-нибудь значитъ, кто не считаетъ ее химерической, лишенной правдоподобія идеей, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать и приведенный принципъ ея. Этотъ отдѣлъ, слѣдовательно, такъ же какъ и первый, былъ только аналитическимъ. Положеніе же, что нравственность не есть химера, было бы обосновано въ томъ случаѣ, если категорическій императивъ и вмѣстѣ съ нимъ автономія воли истинны и, какъ принципъ a priori, безусловно необходимы. Для этого требуется возможность синтетическаго употребленія чистаго практическаго разума; на такое употребленіе однако мы не можемъ рѣшиться, не предпославъ ему критики самой этой способности разума, главныя черты которой, достаточныя для нашей цѣли, намъ предстоитъ изложить въ послѣднемъ отдѣлѣ.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Переходъ отъ метафизики нравовъ къ критикѣ чистаго практическаго разума.

Понятіе свободы

есть ключъ къ объясненію автономіи воли.

Воля есть родъ причинности живыхъ существъ, поскольку они разумны, а свобода была бы такимъ свойствомъ этой причинности, когда она могла бы дѣйствовать независимо отъ причинъ, опредѣляющихъ ее извнѣ; тогда какъ природная необходимость была бы свойствомъ причинности лишенныхъ разума существъ побуждаться къ дѣятельности подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ.

Приведенное объясненіе свободы—отрицательно, и поэтому оно ничего не даетъ для проникновенія въ ея сущность; однако изъ этого объясненія вытекаетъ положительное понятіе свободы, которое тѣмъ болѣе богато содержаніемъ и плодотворно. Такъ какъ понятіе причинности ведетъ за собой понятіе законовъ, по которымъ въ силу чего-то, что мы называемъ причиной, должно наступить нѣчто другое, именно, слѣдствіе, то свобода, хотя она и не есть свойство воли по законамъ природы, тѣмъ не менѣе не является на этомъ основаніи совершенно не подлежащей закону; скорѣе, она должна быть причинностью по неизмѣннымъ законамъ, но только особаго рода; ибо въ противномъ случаѣ свободная воля была бы не-

былицей. Природная необходимость была гетерономіей дѣйствующихъ причинъ, такъ какъ каждый результатъ былъ возможенъ только по тому закону, что нѣчто другое опредѣляло дѣйствующую причину къ причинности; а чѣмъ же другимъ можетъ быть свобода воли, какъ не автономіей, т.-е. свойствомъ воли быть самой для себя закономъ? Но положеніе: воля, во всѣхъ дѣйствіяхъ, есть сама для себя законъ—означаетъ только принципъ: не дѣйствовать иначе, какъ по такой максимѣ, которая можетъ имѣть себя предметомъ также въ качествѣ всеобщаго закона. Но это есть какъ разъ формула категорическаго императива и принципъ нравственности; такимъ образомъ, свободная воля, и воля, подчиненная нравственнымъ законамъ, есть одно и то же.

Если, такимъ образомъ, предполагается свобода воли, то нравственность, вмѣстѣ съ ея принципомъ, слѣдуетъ отсюда черезъ простое расчлененіе понятія свободы. Между тѣмъ этотъ принципъ остается все же синтетическимъ положеніемъ: безусловно добрая воля это та, максима которой всегда можетъ содержать въ себѣ саму себя, разсматриваемую въ качествѣ всеобщаго закона; ибо путемъ расчлененія понятія безусловно доброй воли не можетъ быть найдено это свойство максимы. Но такія синтетическія положенія возможны только потому, что оба познанія соединяются другъ съ другомъ при помощи связи съ нѣкоторымъ третьимъ, въ которомъ они оба находятся. Положительное понятіе свободы создаетъ это третье, которое не можетъ быть, какъ при физическихъ причинахъ, природой чувственнаго міра (въ понятіи которой сходятся понятія чего-то, какъ причины, въ отношеніи къ чему-то другому, какъ дѣйствію). Что такое это третье, на что намъ указываетъ свобода, и о чемъ мы имѣемъ идею a priori, въ настоящій моментъ еще невозможно здѣсь показать; необходима нѣкоторая подготовка для того, чтобы сдѣлать понятной дедукцію понятія свободы изъ чистаго практическаго разума, а вмѣстѣ съ ней также и возможность категорическаго императива.

Свобода должна предполагаться, какъ свойство воли всѣхъ разумныхъ существъ.

Мы не можемъ удовлетвориться тѣмъ, что приписываемъ изъ какого бы то ни было основанія свободу нашей волѣ, если мы не имѣемъ достаточнаго основанія приписать такую же также и всѣмъ разумнымъ существамъ. Вѣдь, такъ какъ нравственность служитъ закономъ для насъ, только какъ для разумныхъ существъ, то она должна имѣть значеніе и для всѣхъ разумныхъ существъ, и такъ какъ она должна быть выведена исключительно изъ свойства свободы, то и свобода должна быть показана свойствомъ воли всѣхъ разумныхъ существъ; при этомъ недостаточно доказать ее какими-нибудь воображаемыми свидѣтельствами опыта о человѣческой природѣ (это, впрочемъ, и безусловно невозможно, и свобода можетъ быть доказана исключительно a priori), но нужно показать ее вообще принадлежащей къ дѣятельности разумныхъ и надѣленныхъ волей существъ. Итакъ я говорю: каждое существо, которое не можетъ дѣйствовать иначе, какъ руководясь идеей свободы, именно поэтому, въ практическомъ отношеніи является дѣйствительно свободнымъ; т.-е. для этого существа имѣютъ значеніе всѣ законы, неразрывно связанные со свободой, точно такъ, какъ будто бы его воля, также сама по себѣ, и съ точки зрѣнія теоретической философіи, была объявлена свободной [1]). Я утверждаю, такимъ образомъ, что каждое разумное существо, которое имѣетъ волю, мы необходимо

---

[1]) Этотъ путь считать достижимымъ для нашихъ цѣлей принятіе свободы, только какъ полагаемой разумными существами въ основу ихъ дѣйствій просто въ идеѣ, я избираю для того, чтобы имѣть возможность освободить себя отъ обязанности доказывать свободу также и съ теоретической точки зрѣнія. Ибо, если даже это послѣднее доказательство остается не выполненнымъ, то все же для существа, которое не можетъ дѣйствовать иначе какъ подъ идеей своей собственной свободы, имѣютъ значеніе тѣ же законы, которые связывали бы существо, дѣйствительно свободное. Мы можемъ, слѣдовательно, освободить себя отъ гнетущей тяжести теоріи.

должны снабдить также идеей свободы, подъ единственнымъ руководствомъ которой оно дѣйствуетъ. Ибо въ такомъ существѣ мы представляемъ себѣ разумъ, который является практическимъ, т.-е. имѣетъ причинность въ отношеніи къ своимъ объектамъ. Вѣдь не можемъ же мы представить себѣ разумъ, который при своемъ собственномъ сознаніи получалъ бы направленіе въ отношеніи къ своимъ сужденіямъ откуда нибудь извнѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ субъектъ приписалъ бы опредѣленіе способности сужденія не своему разуму, но влеченію. Разумъ долженъ смотрѣть на самого себя, какъ на творца своихъ принциповъ, независимаго отъ чуждыхъ вліяній, слѣдовательно, какъ практическій разумъ или какъ воля разумнаго существа онъ долженъ представляться самому себѣ свободнымъ; т.-е. воля разумнаго существа только подъ идеей свободы можетъ быть его собственной волей, и, слѣдовательно, въ практическомъ отношеніи она должна быть приписана всѣмъ разумнымъ существамъ.

Объ интересѣ,

присущемъ идеямъ нравственности.

Мы свели, въ конечномъ счетѣ, опредѣленное понятіе нравственности къ идеѣ свободы; послѣднюю однако мы не могли доказать въ насъ самихъ и въ человѣческой природѣ, какъ нѣчто дѣйствительное; мы видѣли только, что ее необходимо предположить, если мы хотимъ помыслить существо разумнымъ и одареннымъ сознаніемъ своей причинности относительно дѣйствій, т. е. одареннымъ волей. И вотъ мы находимъ теперь, что на этомъ же основаніи мы должны придать и каждому одаренному разумомъ и волей существу это свойство опредѣляться къ дѣйствію, руководясь идеей своей свободы.

Но изъ такого предположенія этой идеи вытекало также сознаніе слѣдующаго закона дѣйствованія: субъективные принципы дѣйствій, т.-е. максимы, всегда должны быть взяты такимъ образомъ, чтобы они могли имѣть значеніе также объективно, т.-е. какъ всеобщіе принципы, слѣдо-

вательно, могли бы служить для нашего собственнаго всеобщаго законодательства. Но почему же я долженъ подчиняться этому принципу и притомъ, какъ разумное существо вообще, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ другія существа, одаренныя разумомъ? Я признаю, что къ этому меня не побуждаетъ никакой интересъ, ибо это не составило бы категорическаго императива; но я необходимо долженъ все же проявлять къ этому интересъ и понимать, какъ это происходитъ; вѣдь это долженствованіе есть, собственно, воленіе, которое имѣло бы силу для каждаго разумнаго существа при условіи, если бы у него разумъ былъ безъ препятствій практическимъ; для существъ, которыя, какъ мы, аффицируются еще чувственностью, какъ мотивами другого рода, у которыхъ не всегда происходитъ то, что сдѣлалъ бы самъ по себѣ одинъ только разумъ, указанная необходимость дѣйствія называется только долженствованіемъ и субъективная необходимость отличается отъ объективной.

Такимъ образомъ, повидимому, въ идеѣ свободы мы собственно только предположили моральный законъ, именно, самый принципъ автономіи воли, и не могли доказать его реальность и объективную необходимость; правда, все же нами было достигнуто нѣчто очень значительное благодаря тому, что мы, по крайней мѣрѣ, опредѣлили настоящій принципъ точнѣе, чѣмъ когда-либо; но, что касается его значимости и практической необходимости ему подчиняться, то мы не подвинулись дальше. Ибо мы не могли бы дать удовлетворительнаго отвѣта тому, кто спросилъ бы насъ, почему же всеобщая значимость нашей максимы, какъ закона, должна быть ограничивающимъ условіемъ нашихъ дѣйствій, на чемъ мы основываемъ придаваемую этому образу дѣйствій цѣнность, которая должна быть такъ велика, что вообще не можетъ существовать никакого высшаго интереса, и какъ это происходитъ, что человѣкъ только этимъ путемъ чувствуетъ свою личную цѣнность, въ сравненіи съ которой цѣнность пріятнаго или непріятнаго состоянія совершенно ничтожна.

Правда, мы видимъ, конечно, что мы можемъ проявить къ какому-нибудь личному свойству интересъ, который не

включаетъ въ себя вовсе никакого интереса къ состоянію, разъ только это свойство дѣлаетъ насъ способными стать причастными къ этому состоянію въ случаѣ, если разумъ долженъ будетъ привести къ его достиженію; такъ, простое достоинство быть счастливымъ можетъ интересовать само по себѣ и безъ стремленія сдѣлаться причастнымъ этому счастью; однако въ дѣйствительности это сужденіе есть только результатъ уже предположенной важности моральныхъ законовъ (когда, благодаря идеѣ свободы, мы отрѣшаемся отъ всякаго эмпирическаго интереса); но то обстоятельство, что мы отрѣшаемся отъ послѣдняго, т.-е. разсматриваемъ себя свободными въ дѣйствованіи, и тѣмъ не менѣе должны считать себя подчиненными извѣстнымъ законамъ для того, чтобы находить только въ нашей личности цѣнность, способную вознаградить насъ за потерю всего того, что доставляетъ цѣнность нашему состоянію, и какъ это возможно, слѣдовательно, откуда возникаетъ обязательность моральнаго закона, этого такимъ путемъ мы еще не можемъ постигнуть.

Здѣсь получается, надо въ этомъ откровенно признаться, родъ круга, изъ котораго, повидимому, невозможно выбраться. Мы принимаемъ себя въ порядкѣ дѣйствующихъ причинъ свободными для того, чтобы въ порядкѣ цѣлей мыслить себя подчиненными нравственнымъ законамъ, и послѣ этого мы мыслимъ себя подчиненными этимъ законамъ потому, что мы приписали себѣ свободу воли; ибо свобода и собственное законодательство воли, и то и другое суть автономія, слѣдовательно, понятія, замѣняющія другъ друга; поэтому, именно, одно изъ нихъ не можетъ быть употреблено для того, чтобы объяснить другое и привести его основаніе, но по большей мѣрѣ только для того, чтобы представленія объ одномъ и томъ же предметѣ, кажущіяся, съ логической точки зрѣнія, разными, свести къ единому понятію (какъ различныя дроби одинаковаго содержанія къ минимальному выраженію).

Однако намъ остается еще одинъ выходъ, именно, посмотрѣть: не становимся ли мы на другую точку зрѣнія въ томъ случаѣ, когда мыслимъ себя, благодаря свободѣ, a priori дѣйствующими причинами, чѣмъ въ томъ, когда

представляемъ самихъ себя на основаніи нашихъ дѣйствій, какъ результатовъ, какіе мы видимъ передъ собой.

Не требуется никакого тонкаго размышленія, но достаточно даже самаго обычнаго разсудка (который, правда, сдѣлаетъ это по своему, при помощи темнаго распознаванія способности сужденія, называемаго имъ чувствомъ) для того, чтобы замѣтить: что всѣ представленія, являющіяся намъ непроизвольно (какъ чувственныя представленія), даютъ намъ познаніе предметовъ только такими, какъ они насъ аффицируютъ, причемъ то, какими они могутъ быть сами по себѣ, остается намъ неизвѣстнымъ; слѣдовательно, этотъ родъ представленій, даже при самомъ напряженномъ вниманіи съ нашей стороны и при всей ясности, какую только могъ бы имъ дать разсудокъ, можетъ привести насъ только къ познанію явленій (Erscheinungen), но никогда—къ познанію вещей самихъ по себѣ (Dinge an sich selbst). Коль скоро сдѣлано это различіе (хотя бы просто посредствомъ подмѣченной разницы между тѣми представленіями, которыя мы получаемъ откуда-нибудь извнѣ и при которыхъ мы остаемся пассивными, и тѣми, которыя мы извлекаемъ исключительно изъ насъ самихъ, проявляя этимъ нашу активность), то сейчасъ же само собой слѣдуетъ, что за явленіями мы должны допустить и принять еще нѣчто другое, что не есть явленіе, именно, вещи въ себѣ, хотя мы, конечно, знаемъ, что, такъ какъ онѣ могутъ сдѣлаться извѣстными для насъ всегда только такъ, какъ онѣ насъ аффицируютъ, то мы не можемъ подойти къ нимъ ближе и никогда не можемъ знать, чѣмъ онѣ являются сами по себѣ. Это должно привести насъ къ различенію, хотя и грубому, чувственнаго міра (Sinnenwelt) отъ міра умопостигаемаго (Verstandeswelt), изъ которыхъ первый, въ силу различія чувственности у отдѣльныхъ воспринимающихъ міръ субъектовъ, также можетъ быть чрезвычайно различнымъ, тогда какъ второй, лежащій въ его основѣ, остается всегда тѣмъ же самымъ. Даже относительно самого себя, и притомъ при помощи знанія о себѣ, какимъ человѣкъ владѣетъ благодаря внутреннему воспріятію, онъ не можетъ притязать на знаніе того, какимъ онъ является самъ по

себѣ. Вѣдь, такъ какъ нельзя сказать, что человѣкъ какъ бы создаетъ самого себя, и такъ какъ онъ получаетъ понятіе о себѣ не a priori, но эмпирическимъ путемъ, то естественно, что и о себѣ самомъ онъ можетъ собрать свѣдѣнія посредствомъ внутренняго чувства, слѣдовательно, только при посредствѣ явленія своей природы и порядка, въ какомъ аффицируется его сознаніе; между тѣмъ, помимо этой составленной изъ однихъ только явленій стороны его собственнаго субъекта, онъ необходимо долженъ принять еще нѣчто другое, лежащее въ основѣ, именно его Я, каково оно само по себѣ, и такимъ образомъ причислить себя, въ отношеніи къ простому воспріятію и воспріимчивости къ ощущеніямъ, къ чувственному міру, въ отношеніи же къ тому, что въ немъ можетъ быть чистой дѣятельностью, (тому, что достигаетъ сознанія не посредствомъ возбужденія органовъ чувствъ, но непосредственно)—къ міру интеллектуальному (intellektuelle Welt), о которомъ, тѣмъ не менѣе, онъ больше ничего не знаетъ.

Подобный же выводъ размышляющій человѣкъ долженъ сдѣлать и относительно всѣхъ вещей, какія ему могутъ встрѣтиться; повидимому, къ нему приходитъ даже самый обычный разсудокъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ большую склонность за чувственными предметами ждать всегда еще чего-то невидимаго, дѣйствующаго самостоятельно; однако въ этомъ отношеніи онъ очень портитъ себѣ тѣмъ, что это невидимое онъ опять-таки скоро дѣлаетъ чувственнымъ, т.-е. хочетъ сдѣлать его предметомъ воззрѣнія, и въ результатѣ этого, такимъ образомъ, нисколько не дѣлается умнѣе.

Но вотъ человѣкъ, дѣйствительно, находитъ въ себѣ способность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ вещей, да и отъ него самого, поскольку онъ аффицируется предметами, и эта способность есть разумъ. Послѣдній, какъ чистая самодѣятельность, подымается даже надъ разсудкомъ въ слѣдующемъ отношеніи. Хотя и разсудокъ есть самодѣятельность и не содержитъ, подобно чувству, только представленій, возникающихъ лишь тогда, когда мы аффицированы вещами (т. е. пассивны), тѣмъ

не менѣе онъ при помощи своей дѣятельности можетъ создать исключительно такія понятія, которыя служатъ только къ тому, чтобы чувственныя представленія подвести подъ правила и этимъ путемъ объединить ихъ въ сознаніи; безъ такого употребленія чувственности разсудокъ не могъ бы совершенно ничего мыслить. Напротивъ того, разумъ подъ именемъ идей показываетъ такую чистую спонтанность, что этимъ путемъ выходитъ далеко за предѣлы всего, что только ему можетъ дать чувственность, и выполняетъ свое главнѣйшее дѣло тѣмъ, что отличаетъ чувственный міръ отъ умопостигаемаго, показывая однако этимъ самому разсудку его границы.

Поэтому разумное существо должно признавать само себя, въ качествѣ интеллекта (Intelligenz) (слѣдовательно, не со стороны своихъ низшихъ силъ), принадлежащимъ не къ чувственному, но къ умопостигаемому міру; слѣдовательно, для него возможны двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ оно можетъ разсматривать само себя и познавать законы приложенія своихъ силъ, т. е. законы всѣхъ своихъ дѣйствій: во первыхъ, поскольку оно принадлежитъ къ чувственному міру, оно можетъ видѣть себя подчиненнымъ законамъ природы (гетерономія), во вторыхъ, какъ принадлежащее къ интеллигибильному міру,—подчиненнымъ законамъ, которые, будучи независимы отъ природы, обоснованы не эмпирически, но только въ разумѣ.

Какъ разумное, слѣдовательно, принадлежащее къ интеллигибильному міру существо, человѣкъ никогда не можетъ мыслить причинность своей собственной воли иначе, какъ обращаясь къ идеѣ свободы; ибо независимость отъ опредѣляющихъ причинъ чувственнаго міра (какую разумъ необходимо долженъ всегда придавать самому себѣ) есть свобода. Съ идеей же свободы неразрывно связано понятіе автономіи, а съ послѣднимъ—общій принципъ нравственности, который въ идеѣ точно также лежитъ въ основѣ всѣхъ дѣйствій разумныхъ существъ, какъ законъ природы въ основѣ всѣхъ явленій.

Теперь устранено, наконецъ, подозрѣніе, какое мы возбудили выше, какъ будто бы содержался скрытый кругъ въ нашемъ заключеніи отъ свободы къ автономіи и отъ

послѣдней къ нравственному закону, именно, не положили ли мы въ основу идею свободы только изъ за нравственнаго закона для того, чтобы послѣ опять таки вывести этотъ законъ изъ свободы? Если такъ, то мы не могли, слѣдовательно, привести для нравственнаго закона никакого основанія, но приняли его, только взывая къ принципу, который благорасположенныя къ намъ души охотно допустятъ, но который мы никогда не могли бы выставить, какъ доказанное положеніе. Всѣ эти подозрѣнія устранены, такъ какъ теперь мы убѣдились, что, если мы мыслимъ себя свободными, то мы переносимъ себя въ качествѣ членовъ въ умопостигаемый міръ и познаемъ автономію воли вмѣстѣ съ ея слѣдствіемъ—моральностью; если же мы мыслимъ себя обязанными, то мы смотримъ на себя, какъ на принадлежащихъ къ чувственному міру, и въ то же время все же и къ міру умопостигаемому.

Какъ возможенъ категорическій императивъ?

Разумное существо причисляетъ себя въ качествѣ интеллекта къ умопостигаемому міру и въ качествѣ принадлежащей къ этому міру дѣйствующей причины оно называетъ свою причинность волей. Съ другой стороны, оно все же сознаетъ себя также частью чувственнаго міра, въ которомъ его дѣйствія встрѣчаются ему какъ простыя явленія той причинности; однако возможность этихъ дѣйствій не можетъ быть понята изъ этой причинности, которой мы не знаемъ, но вмѣсто нея дѣйствія эти, какъ принадлежащія къ чувственному міру, должны представляться опредѣленными другими явленіями, именно, желаніями и склонностями. Такимъ образомъ, всѣ мои дѣйствія, какъ простого члена умопостигаемаго міра, были бы совершенно согласны съ принципомъ автономіи чистой воли; тѣ же мои дѣйствія, какъ простой части чувственнаго міра, должны были бы быть принимаемы всецѣло согласными съ природнымъ закономъ желаній и склонностей, слѣдовательно, съ гетерономіей природы. (Первыя покоились бы на высшимъ принципѣ нравственности, вторыя—на прин-

ципѣ счастья). Но такъ какъ умопостигаемый міръ содержитъ основаніе чувственнаго міра, слѣдовательно, основаніе также и его законовъ, и, такимъ образомъ, въ отношеніи къ моей волѣ (принадлежащей всецѣло къ умопостигаемому міру) является непосредственно законодательствующимъ и, слѣдовательно, какъ такой, и долженъ быть мыслимъ, то я долженъ буду признать себя въ качествѣ интеллекта, хотя съ другой стороны я и принадлежу чувственному міру, подчиненнымъ тѣмъ не менѣе законамъ перваго міра, т. е. законамъ разума, содержащаго въ идеѣ свободы законъ послѣдней, и, слѣдовательно, подчиненнымъ автономіи воли; такимъ образомъ, я долженъ буду разсматривать законы умопостигаемаго міра, какъ императивы для себя, а согласныя съ этимъ принципомъ дѣйствія,—какъ обязанности.

И такъ, категорическіе императивы возможны благодаря тому, что идея свободы дѣлаетъ меня членомъ интеллигибильнаго міра; черезъ это, если бъ я былъ только такимъ членомъ, всѣ мои дѣйствія всегда были бы согласны съ автономіей воли, но, такъ какъ я въ то же время смотрю на себя какъ на члена чувственнаго міра, то мои дѣйствія должны быть съ ней согласны. Это категорическое долженствованіе представляетъ изъ себя синтетическое положеніе a priori, получающееся тѣмъ путемъ, что помимо моей воли, аффицированной чувственными влеченіями, здѣсь привходитъ идея моей воли, но воли, принадлежащей умопостигаемому міру, чистой, практической самой по себѣ, которая содержитъ высшее условіе первой согласно съ разумомъ; это составляетъ приблизительную аналогію тому, какъ къ воззрѣніямъ чувственнаго міра привходятъ понятія разсудка, сами по себѣ не означающія ничего, кромѣ законной ихъ формы, и этимъ путемъ дѣлаютъ возможными синтетическія положенія a priori, на которыхъ покоится все познаніе природы.

Практическое употребленіе обычнаго человѣческаго разума подтверждаетъ правильность этой дедукціи. Всякій человѣкъ, даже самый отъявленный злодѣй, правда, только привыкшій вообще къ употребленію разума, если ему

приводятъ примѣры честности въ намѣреніяхъ, твердости въ слѣдованіи добрымъ максимамъ, участія и всеобщаго доброжелательства (и притомъ, даже когда все это связано съ большими жертвами выгодой и удобствами), конечно, пожелалъ бы, чтобы и онъ могъ быть настроенъ такимъ образомъ. Ему только нелегко привести себя къ этому настроенію благодаря его склонностямъ и влеченіямъ, при чемъ однако онъ въ то же время хочетъ освободиться отъ такихъ для него самого тягостныхъ склонностей. Онъ этимъ показываетъ, слѣдовательно, что благодаря волѣ, свободной отъ всякихъ чувственныхъ влеченій, онъ въ мысли переноситъ себя въ совершенно другой міръ, чѣмъ міръ его чувственныхъ страстей, такъ какъ отъ этого желанія онъ не можетъ ожидать никакого удовольствія для своихъ страстей, слѣдовательно, никакого удовлетворенія своимъ дѣйствительнымъ или вообще возможнымъ склонностямъ (вѣдь тогда самая идея, выманившая у него это желанье, потеряла бы свое превосходство), но только большей внутренней цѣнности своей личности. Но этой лучшей личностью онъ считаетъ себя, когда онъ переноситъ себя въ положеніе члена умопостигаемаго міра, къ чему его невольно принуждаетъ идея свободы, т. е. независимости отъ *опредѣляющихъ* причинъ чувственнаго міра; въ этомъ положеніи онъ сознаетъ въ себѣ другую волю, составляющую, по его собственному признанію, законъ для его злой воли, какъ члена чувственнаго міра; значеніе этого закона онъ познаетъ, когда онъ его нарушаетъ. Моральное долженствованіе есть, слѣдовательно, собственное необходимое воленіе какъ члена интеллигибильнаго міра, и только постольку мыслится имъ какъ долженствованіе, поскольку онъ въ то же время видитъ въ себѣ члена чувственнаго міра.

О самой крайней границѣ всякой практической философіи.

Всѣ люди мыслятъ себя въ отношеніи къ волѣ свободными. Отсюда возникаютъ всѣ сужденія о дѣйствіяхъ, какъ такихъ, которыя *должны были бы произойти*, хотя

они и не произошли. При всемъ томъ эта свобода не есть эмпирическое понятіе и даже не можетъ имъ быть, такъ какъ оно остается всегда, хотя показанія опыта противоположны тѣмъ требованіямъ, какія при предположеніи свободы представляются необходимыми. Съ другой стороны точно такъ же необходимо, чтобы все, что происходитъ, неизбѣжно опредѣлялось по законамъ природы, и эта природная необходимость также не есть опытное понятіе, именно потому, что оно включаетъ въ себя понятіе необходимости, слѣдовательно, познанія a priori. Но это понятіе природы подтверждается опытомъ, и даже неизбѣжно должно быть предположено, если долженъ быть возможнымъ опытъ, т. е. связное, согласно всеобщимъ законамъ, познаніе чувственныхъ предметовъ. Поэтому свобода есть только идея разума, объективная реальность которой сама по себѣ подлежитъ сомнѣнію; природа же есть понятіе разсудка, которое доказываетъ и необходимо должно доказывать свою реальность на примѣрахъ опыта.

Хотя, такимъ образомъ, отсюда возникаетъ діалектика разума, такъ какъ въ отношеніи къ волѣ приписанная ей свобода, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи съ природной необходимостью и при этомъ расхожденіи путей разумъ въ спекулятивномъ отношеніи находитъ путь природной необходимости гораздо болѣе проторенным и болѣе удобнымъ для употребленія, чѣмъ путь свободы, однако въ практическомъ отношеніи тропинка свободы есть единственная, на которой возможно при нашемъ поведеніи сдѣлать употребленіе изъ нашего разума; поэтому тончайшей философіи точно такъ же, какъ и самому обычному человѣческому разуму, невозможно устранить свободу путемъ какихъ-нибудь мудрствованій. Слѣдовательно, философія должна предположить, что нѣтъ настоящаго противорѣчія между свободой и природной необходимостью тѣхъ же самыхъ человѣческихъ дѣйствій; ибо она такъ же не можетъ отказаться отъ понятія природы, какъ и отъ понятія свободы.

Тѣмъ не менѣе это кажущееся противорѣчіе должно быть во всякомъ случаѣ убѣдительнымъ образомъ уничтожено, хотя бы даже никогда нельзя было понять, какъ

возможна свобода. Ибо, если уже мысль о свободѣ противорѣчитъ самой себѣ или природѣ, которая точно такъ же необходима, то отъ нея пришлось бы совершенно отказаться при сопоставленіи съ природной необходимостью.

Однако невозможно избѣжать этого противорѣчія, если субъектъ, мнящій себя свободнымъ, будетъ мыслить себя въ одномъ и томъ же смыслѣ, или въ одномъ и тотъ же отношеніи какъ тогда, когда онъ называетъ себя свободнымъ, такъ и тогда, когда относительно того же самаго дѣйствія онъ принимаетъ себя подчиненнымъ закону природы. Поэтому для спекулятивной философіи является неотложной задачей показать, по меньшей мѣрѣ, что ея заблужденіе относительно указаннаго противорѣчія покоится на томъ, что мы мыслимъ человѣка въ другомъ смыслѣ и отношеніи, когда мы называемъ его свободнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы считаемъ его, какъ часть природы, подчиненнымъ ея законамъ, и что оба эти смысла не только очень хорошо могутъ существовать другъ подлѣ друга, но и должны быть мыслимы необходимо объединенными въ одномъ и томъ же субъектѣ; вѣдь иначе невозможно было бы привести основаніе тому, почему мы должны были обременить разумъ идеей, которая, хотя она и способна объединиться безъ противорѣчія съ другой достаточно испытанной, тѣмъ не менѣе впутываетъ насъ въ дѣло, гдѣ разумъ въ своемъ теоретическомъ употребленіи видитъ себя загнаннымъ въ тупикъ. Но эта обязанность лежитъ только на спекулятивной философіи, для того, чтобы она очистила путь практической философіи. Такимъ образомъ, не предоставляется усмотрѣнію философа устранять кажущееся противорѣчіе или оставлять его нетронутымъ; вѣдь въ послѣднемъ случаѣ соотвѣтственная теорія была бы bonum vacans, въ обладаніе которымъ фаталистъ могъ бы вступить съ полнымъ основаніемъ и прогнать всякую мораль изъ ея мнимой собственности, которой она завладѣла безъ всякаго титула.

Однако мы еще не можемъ сказать, что здѣсь начинается граница практической философіи. Ибо это улаживаніе спора вовсе не входитъ въ ея область, но она требуетъ только отъ спекулятивнаго разума, чтобы онъ положилъ

конецъ несогласію, въ какое онъ самъ себя впутываетъ въ теоретическихъ вопросахъ, для того, чтобы практическій разумъ обладалъ спокойствіемъ и увѣренностью для отраженія внѣшнихъ нападокъ, могущихъ сдѣлать спорной ту почву, на которой онъ хочетъ основаться.

Справедливое же притязаніе даже обычнаго человѣческаго разума на свободу воли основывается на сознаніи и всѣми признанномъ предположеніи независимости разума отъ опредѣляющихъ причинъ только субъективнаго характера, составляющихъ во всей совокупности то, что принадлежитъ только ощущенію и объединяется общимъ именемъ чувственности. Человѣкъ, который подобнымъ образомъ смотритъ на себя, какъ на интеллектъ, ставитъ себя тѣмъ самымъ въ другой порядокъ вещей и въ отношеніе къ опредѣляющимъ основаніямъ совершенно другого рода, когда онъ мыслитъ себя интеллектомъ, одареннымъ волей, слѣдовательно, причинностью, чѣмъ когда, воспринимая себя въ качествѣ феномена въ чувственномъ мірѣ (какимъ онъ и дѣйствительно является), онъ подчиняетъ свою причинность, со стороны внѣшняго опредѣленія, законамъ природы. Скоро онъ убѣждается, что и то и другое можетъ, да даже должно одновременно имѣть мѣсто. Ибо то положеніе, что вещь въ явленіи (принадлежащая къ чувственному міру) подлежитъ извѣстнымъ законамъ, отъ которыхъ та же самая вещь, какъ вещь или существо само въ себѣ, независима, не содержитъ ни малѣйшаго противорѣчія; а что человѣкъ долженъ представлять и мыслить себя такимъ двоякимъ образомъ, это основывается, что касается перваго случая, на сознаніи своего я, какъ предмета, аффицированнаго при посредствѣ чувствъ, во второмъ же случаѣ—на сознаніи своего я, какъ интеллекта, т.-е., какъ я, независимаго въ употребленіи разума отъ чувственныхъ впечатлѣній (принадлежащаго, слѣдовательно, къ умопостигаемому міру).

Отсюда происходитъ, что человѣкъ присваиваетъ себѣ волю, которая не принимаетъ на свой счетъ ничего, что относится только къ его страстямъ и склонностямъ, и, напротивъ, считаетъ себя основой возможности и даже необходимости дѣйствій, которыя могутъ осуществиться

лишь при отказѣ отъ всѣхъ страстей и чувственныхъ возбужденій. Причинность этихъ дѣйствій заключается въ немъ, какъ интеллектѣ, и въ законахъ вліяній и дѣйствій по принципамъ интеллигибильнаго міра, о которомъ онъ, правда, только и знаетъ, что тамъ даетъ законъ исключительно разумъ, и притомъ чистый разумъ, независимый отъ чувственности; равнымъ образомъ, такъ какъ онъ тамъ, только какъ интеллектъ, является настоящимъ Я (какъ человѣкъ, напротивъ, онъ есть только явленіе своего я), то тѣ законы обращаются къ нему непосредственно и категорически; поэтому то, къ чему побуждаютъ склонности и влеченія (словомъ, природа чувственнаго міра въ цѣломъ), не можетъ нанести ущерба законамъ его воли, какъ интеллекта, и даже онъ не отвѣчаетъ за первыя и не приписываетъ ихъ своему настоящему я, т.-е. своей волѣ, но отвѣчаетъ за то потворство, какое онъ имъ оказалъ бы, если бы позволилъ имъ вліять на его максимы къ ущербу законовъ, установленныхъ разумомъ для воли.

Проникая въ мысли въ умопостигаемый міръ, практическій разумъ вовсе не преступаетъ свои границы, но онъ дѣйствительно преступилъ бы ихъ, если бы захотѣлъ проникнуть въ него съ помощью воззрѣнія, съ помощью ощущенія. Мысль объ умопостигаемомъ мірѣ только отрицательна по отношенію къ чувственному міру, который не даетъ разуму законовъ въ опредѣленіи воли; она положительна только въ томъ единственномъ пунктѣ, что та свобода, какъ отрицательное опредѣленіе, въ то же время связана съ (положительной) способностью и даже съ причинностью разума, называемой нами волей, дѣйствовать такъ, чтобы принципъ дѣйствія сообразовался съ существеннымъ свойствомъ разумной причины, именно, съ условіемъ всеобщей значимости максимы, какъ закона. Но, если бы практическій разумъ сталъ искать въ умопостигаемомъ мірѣ еще и объекта воли, т.-е. побудительной причины, то онъ перешелъ бы свои границы и притязалъ бы на знаніе того, о чемъ онъ ничего не знаетъ. Понятіе умопостигаемаго міра есть, слѣдовательно, только точка зрѣнія, которую разумъ вынужденъ принять внѣ явленій для того, чтобы мыслить самого

себя практическимъ; это было бы невозможно, если бы вліянія чувственности были опредѣляющими для человѣка; однако это необходимо, поскольку человѣку не должно быть отказано въ сознаніи своего Я, какъ интеллекта, слѣдовательно, какъ разумной и дѣятельной благодаря разуму, т.-е. свободно дѣйствующей причины. Эта мысль приводитъ, конечно, къ идеѣ другого порядка и законодательства, чѣмъ тѣ, какія присущи механизму природы, относящемуся къ чувственному міру, и дѣлаетъ необходимымъ понятіе интеллигибильнаго міра (т.-е. цѣлаго разумныхъ существъ, какъ вещей самихъ по себѣ), однако безъ малѣйшаго притязанія мыслить здѣсь дальше, чѣмъ только сообразно съ формальнымъ условіемъ этого міра, т.-е. согласно со всеобщностью максимы воли, какъ закона, слѣдовательно, съ автономіей воли, которая можетъ существовать только при наличности свободы воли; напротивъ того, всѣ законы, направленные на объектъ, даютъ гетерономію, которую можно встрѣтить только въ законахъ природы и которая можетъ относиться только къ чувственному міру.

Но разумъ преступилъ бы всѣ свои границы, если бы онъ отважился на объясненіе того, какъ можетъ быть чистый разумъ практическимъ; вѣдь это было бы совершенно то же, что и задача объяснить, какъ возможна свобода.

Ибо мы въ состояніи объяснить только то, что можетъ быть сведено нами къ законамъ, предметъ которыхъ можетъ быть данъ въ какомъ-нибудь возможномъ опытѣ. Свобода же есть простая идея, объективная реальность которой никоимъ образомъ не можетъ быть показана по законамъ природы, слѣдовательно, также и ни въ какомъ возможномъ опытѣ; поэтому, такъ какъ для нея никогда нельзя по какой-нибудь аналогіи привести примѣра, она никогда не можетъ быть понята или даже только усмотрѣна нами. Она только необходимо предполагается разумомъ у существа, которое сознаетъ въ себѣ волю, т.-е. способность еще отличную отъ простой способности желанія (именно, способность опредѣляться къ дѣйствованію въ качествѣ интеллекта, слѣдовательно, по законамъ

разума, независимо отъ природныхъ инстинктовъ). Но, гдѣ прекращается опредѣленіе по законамъ природы, тамъ нѣтъ мѣста также и *объясненію*, и не остается ничего, кромѣ *защиты*, т.-е. устраненія возраженій всѣхъ тѣхъ людей, которые воображаютъ, что они глубже заглянули въ сущность вещей и поэтому дерзко объявляютъ свободу невозможной. Имъ можно только показать, что противорѣчіе, мнимо открытое ими въ этомъ понятіи свободы, происходитъ только отъ того, что они, желая сдѣлать законъ природы значимымъ въ отношеніи къ человѣческимъ дѣйствіямъ, необходимо должны были разсматривать человѣка, какъ явленіе, и теперь, когда отъ нихъ требуется, чтобы они мыслили его, въ качествѣ интеллекта, также и вещью самой по себѣ, они, вмѣсто того, все еще смотрятъ на него, какъ на явленіе; конечно, въ такомъ случаѣ разобщеніе его причинности (т.-е. его воли) со всѣми законами природы чувственнаго міра въ одномъ и томъ же субъектѣ заключало бы въ себѣ противорѣчіе; однако оно отпадаетъ, если они только одумаются и, какъ и слѣдуетъ, признаютъ, что въ основѣ явленій должны все же лежать вещи сами по себѣ (хотя бы и скрытыя), отъ законовъ дѣйствій которыхъ нельзя требовать тожества съ тѣми, какимъ подчинены явленія.

Субъективная невозможность *объяснить* свободу воли тожественна съ невозможностью понять и истолковать тотъ *интересъ* [1]), какой человѣкъ можетъ нахо-

---

[1]) Интересъ есть то, благодаря чему разумъ становится практическимъ, т. е дѣлается опредѣляющей волю причиной. Поэтому только относительно разумнаго существа говорятъ, что оно имѣетъ къ чему-нибудь интересъ; существа, лишенныя разума, испытываютъ только чувственныя влеченія. Непосредственный интересъ въ дѣйствіи разумъ находитъ только тогда, когда всеобщая значимость максимы этого дѣйствія является достаточнымъ опредѣляющимъ основаніемъ воли. Только такой интересъ можетъ быть названъ чистымъ. Если же воля опредѣляется только при посредствѣ другого объекта желанія или при предположеніи особаго чувства субъекта, то интересъ разума въ дѣйствіи будетъ только опосредствованнымъ; въ этомъ случаѣ, такъ какъ разумъ самъ по себѣ безъ опыта не можетъ отыскать ни объектовъ воли, ни особаго лежащаго въ ея основѣ чувства, интересъ былъ бы только эмпирическимъ, а не чистымъ интересомъ разума.

дить въ моральныхъ законахъ. И тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствительно находитъ въ нихъ интересъ; основаніе къ тому въ насъ мы называемъ моральнымъ чувствомъ, которое ложно выдавалось нѣкоторыми за мѣрило нашего нравственнаго сужденія, тогда какъ въ немъ нужно видѣть, скорѣе, субъективное дѣйствіе, оказываемое закономъ на волю; объективныя же основанія его даетъ одинъ только разумъ.

Чтобы хотѣть того, къ чему только разумомъ можетъ быть предписано долженствованіе чувственно возбуждаемому разумному существу, для этого требуется, конечно, способность разума вселить чувство удовольствія или расположенія къ исполненію долга, слѣдовательно, причинность разума опредѣлять чувственность согласно со своими принципами. Однако совершенно невозможно уяснить себѣ, т.-е. a priori сдѣлать понятнымъ, какъ можетъ простая мысль, не содержашая въ себѣ ничего чувственнаго, вызвать ощущеніе удовольствія или неудовольствія; ибо это есть особый родъ причинности, относительно котораго, какъ и относительно всякой причинности, мы ничего не можемъ установлять a priori, и поэтому принуждены допрашивать о ней только опытъ. Но такъ какъ опытъ не можетъ показать намъ другого отношенія причины къ слѣдствію, чѣмъ между двумя предметами опыта, здѣсь же чистый разумъ при помощи простыхъ идей (не представляющихъ собой предмета опыта) долженъ быть причиной слѣдствія, которое, конечно, заключается въ опытѣ, то объясненіе, какъ и почему насъ интересуетъ всеобщность максимы какъ закона, т.-е. нравственность, намъ, людямъ, совершенно не по силамъ. Мы знаемъ только одно, что нравственность не потому обязательна для насъ, что она насъ интересуетъ (ибо это есть гетерономія и зависимость практическаго разума отъ чувственности, именно, отъ лежащаго въ основѣ чувства, при которой онъ никогда не могъ бы быть нравственно

Логическій интересъ разума (достигать пониманія), никогда не бываетъ непосредственнымъ; онъ всегда предполагаетъ цѣли употребленія разума.

законодательствующимъ); напротивъ, она потому насъ интересуетъ, что она обязательна для насъ, какъ людей, въ силу того, что она вытекаетъ изъ нашей воли, какъ интеллекта, слѣдовательно изъ нашего подлиннаго я; что же относится къ простому явленію, необходимо подчиняется разумомъ свойству вещи самой по себѣ.

Такимъ образомъ, на вопросъ, какъ возможенъ категорическій императивъ, мы въ состояніи, конечно, отвѣтить постольку, поскольку можно выдвинуть единственное предположеніе, подъ которымъ онъ возможенъ, именно, идею свободы, а, равнымъ образомъ, поскольку можно убѣдиться и въ необходимости этого предположенія; этого достаточно для практическаго употребленія разума, т.-е. для убѣжденія въ обязательности этого императива, слѣдовательно, также и нравственнаго закона; а какъ возможно самое это предположеніе, этого никогда не удастся уразумѣть человѣческому разуму. Но предположеніе свободы воли интеллекта ведетъ за собой необходимымъ слѣдствіемъ автономію воли, какъ формальное условіе, подъ которымъ она только и можетъ опредѣляться. Предполагать эту свободу воли не только вполнѣ возможно (не впадая при этомъ въ противорѣчіе съ принципомъ природной необходимости, относящимся къ связи явленій чувственнаго міра, какъ это можетъ показать спекулятивная философія); полагать ее также и практически, т.-е. въ идеѣ, въ качествѣ условія, въ основу всѣхъ своихъ произвольныхъ дѣйствій, безусловно необходимо разумному существу, сознающему въ себѣ причинность черезъ разумъ, слѣдовательно, волю (которая отлична отъ желаній). Объяснить же теперь, какъ возможно, чтобы чистый разумъ самъ по себѣ, безъ другихъ мотивовъ, гдѣ-либо извнѣ заимствованныхъ, былъ практическимъ, т.-е. какъ самъ по себѣ простой принципъ всеобщей значимости всѣхъ максимъ разума какъ законовъ (что было бы, конечно, формой чистаго практическаго разума) безъ всякой матеріи (предмета) воли, въ которой заранѣе можно было бы находить интересъ, можетъ давать мотивъ и возбуждать интересъ, ко-

торый назывался бы чисто моральнымъ, или иными словами: какъ чистый разумъ можетъ быть практическимъ, дать такое объясненіе весь человѣческій разумъ совершенно безсиленъ, и всѣ усилія и трудъ отыскивать это объясненіе потеряны даромъ.

Вѣдь это было бы то же самое, какъ если бы я пытался изслѣдовать, какъ возможна самая свобода въ качествѣ причинности воли. Ибо, въ такомъ случаѣ, я оставляю философскую почву для объясненія и не имѣю никакой другой. Правда, я могъ бы, пожалуй, отдаться блужданіямъ по интеллигибильному міру, остающемуся еще въ запасѣ, по міру интеллектовъ; однако, хотя у меня есть объ этомъ мірѣ идея, имѣющая свое полное основаніе, но тѣмъ не менѣе у меня нѣтъ о немъ ни малѣйшаго знанія, и я даже никогда не могу пріобрѣсти его при всѣхъ стараніяхъ моей естественной способности разума. Эта идея обозначаетъ только нѣчто, что остается, если я исключу изъ основаній, опредѣляющихъ мою волю, все, относящееся къ чувственному міру, просто для того, чтобы вывести принципъ побудительныхъ причинъ изъ границъ чувственной области; могу же я сдѣлать это тѣмъ путемъ, что положу границы этой области и покажу, что она не все въ себѣ вмѣщаетъ, но что внѣ ея есть еще большее; это большее однако далѣе остается мнѣ неизвѣстнымъ. Отъ чистаго разума, мыслящаго этотъ идеалъ, по отдѣленіи всей матеріи, т.-е. познанія объектовъ, мнѣ не остается ничего, кромѣ формы; именно, остается мыслить только практическій законъ всеобщей значимости максимъ и, согласно съ нимъ, разумъ, въ отношеніи къ чистому умопостигаемому міру, какъ возможную дѣйствующую т.-е. опредѣляющую волю причину; мотивъ здѣсь долженъ совершенно отсутствовать; ибо сама эта идея интеллигибильнаго міра должна бы была быть мотивомъ или тѣмъ, къ чему разумъ первоначально испытывалъ бы интересъ; однако сдѣлать послѣднее понятнымъ и есть какъ разъ задача, которую мы не можемъ разрѣшить.

Здѣсь, наконецъ, мы приходимъ къ высшей границѣ всякаго моральнаго изслѣдованія; установить ее уже въ тѣхъ видахъ является дѣломъ величайшей важности, что-

бы, съ одной стороны, разумъ не искалъ повсюду въ чувственномъ мірѣ—что могло бы повредить нравственности—высшей опредѣляющей причины и постижимаго, но эмпирическаго интереса, съ другой же стороны, чтобы онъ также не взмахивалъ безсильно крыльями, не двигаясь съ мѣста, въ пустомъ для него пространствѣ трансцендентныхъ понятій и не терялся среди призраковъ. Впрочемъ, идея чистаго умопостигаемаго міра, какъ цѣлаго всѣхъ интеллектовъ, къ которому, въ качествѣ разумныхъ существъ (хотя, съ другой стороны, оставаясь членами чувственнаго міра), мы сами принадлежимъ, всегда остается полезной и дозволенной идеей для разумной вѣры, хотя всякому знанію на границѣ ея полагается конецъ, ибо прекрасный идеалъ всеобщаго царства цѣлей самихъ по себѣ (разумныхъ существъ), къ которому мы можемъ принадлежать въ качествѣ членовъ только тогда, когда заботливо руководимся въ поведеніи максимами свободы, какъ будто бы онѣ были законами природы, можетъ вселить въ насъ живой интересъ къ моральному закону.

Заключительное замѣчаніе.

Спекулятивное употребленіе разума, въ отношеніи къ природѣ, приводитъ къ абсолютной необходимости нѣкоей главной причины міра; практическое употребленіе разума, въ отношеніи къ свободѣ, приводитъ также къ абсолютной необходимости, но только законовъ дѣйствій разумнаго существа, какъ такового. Существеннымъ-же принципомъ всякаго употребленія нашего разума является доведеніе познанія разума до сознанія его необходимости (такъ какъ безъ этой необходимости оно не было бы познаніемъ разума). Но точно такъ же существенно то ограниченіе того же самаго разума, что онъ не можетъ уразумѣть необходимость ни того, что существуетъ или что происходитъ, ни того, что должно происходить, если не положено въ основу условіе, подъ которымъ это нѣчто существуетъ или происходитъ или должно происходить. Но при такомъ положеніи, благодаря постоянному вопросу объ условіи,

возможность удовлетворенія разума отодвигается постоянно все дальше и дальше. Поэтому онъ неустанно ищетъ безусловно необходимое и видитъ себя вынужденнымъ принять его, не располагая никакимъ средствомъ сдѣлать его для себя постижимымъ; достаточно хорошо уже, если онъ только можетъ отыскать понятіе, которое согласуется съ этимъ предположеніемъ. Такимъ образомъ, не наша дедукція высшаго принципа моральности заслуживаетъ порицанія, но человѣческому разуму вообще слѣдуетъ поставить въ упрекъ то, что онъ не можетъ сдѣлать понятнымъ безусловный практическій законъ (какимъ долженъ быть категорическій императивъ) въ его абсолютной необходимости; вѣдь нельзя же его обвинять за то, что онъ не хочетъ сдѣлать это при помощи условія, именно, посредствомъ какого-нибудь положеннаго въ основу интереса; ибо, въ такомъ случаѣ, законъ не былъ бы моральнымъ, т. е. высшимъ закономъ свободы. И, такимъ образомъ, мы, правда, не постигаемъ практической безусловной необходимости моральнаго императива, но мы постигаемъ все же его непостижимость; больше этого, по справедливости, уже нельзя требовать отъ философіи, которая стремится въ принципахъ дойти до границы человѣческаго разума.

КОНЕЦЪ.

Виготский 205